

ЭВАН УИНТЕР

18+

ОГНИ ВОЗМЕЗДИЯ

Фэнтези: открытие

Эван Уинтер

Огни возмездия

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

Уинтер Э.

Огни возмездия / Э. Уинтер — «Издательство АСТ»,
2019 — (Фэнтези: открытие)

ISBN 978-5-17-149944-0

Тау и королева Циора в отчаянии – им никак не удастся отсрочить нападение коренных жителей Ксидды. Им приходится разработать очень опасный план, успех которого даст королеве время, столь необходимое ей для сбора союзников. Но ее главная цель – полномасштабное наступление на столицу, где как «истинная» королева правит сестра Циоры. Если город падет, а Циора вернет себе трон и объединит свой народ – только тогда у Омехи появится шанс выжить в грядущих битвах.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-149944-0

© Уинтер Э., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	35
Глава третья	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Эван Уинтер

Огни возмездия

Ewan Winter
Fires of Vengeance

Jacket design by Jeanne Reina
Jacket photographs © Magdalena Wosinska/
HarperCollins Publishers
Map copyright © 2019 by Tim Paul
© А. Агеев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Эта книга посвящается Невиллу Леопольду Уинтеру

Спокойный, стойкий, невероятно трудолюбивый; его было легко рассмешить, и у него была радостная улыбка, от которой вокруг глаз появлялись морщинки. Он был моим отцом, и его не стало, когда я писал «Огни возмездия». Почти пятьдесят лет он был женат на одной из самых замечательных женщин на планете. Невилл начал карьеру как инженер-химик и закончил учителем старшей школы. Он отдавал своим ученикам все, неустанно работая по будням и репетиторствуя каждые выходные, чтобы изменить жизнь к лучшему, насколько мог. Улучшить мою жизнь ему точно удалось. «Одна из самых важных вещей в жизни – заканчивать то, что начинаешь», – сказал он мне перед тем, как я начал серьезно заниматься писательством. Он больше не давал мне советов, а этот оказался на удивление простым. И все же он мне запомнился, и в самые тяжелые писательские дни, когда моя история совершенно не желала, чтобы ее рассказывали, отцовские слова не позволяли мне сдаться. Две книги вышли благодаря той силе, что он мне дал, и даже с этой силой писать романы оказалось делом непростым. Немалая часть этого цикла посвящена отношениям между отцами и сыновьями, и когда я садился, чтобы продолжать писать, меня часто охватывало чувство, будто мне приходится мириться с тем, что моего отца больше нет, и потеря его проделала во мне огромную дыру. Но напоминая себе, что отец был рядом и растил меня, учил, видел, как я женился, как у меня родился собственный сын, – я находил силы двигаться дальше. Он был рядом во всем, а это, я знаю, не всегда возможно. Поэтому, если эта боль – цена за то, что мне повезло иметь такого любящего отца, я с радостью ее заплачу.

Эта книга посвящается Невиллу Леопольду Уинтеру, которого я так и не перестал называть папочкой.

Глава первая

ДЖАБАРИ ОНАИ

– Он умрет?

Голос разбудил его, и боль вернулась. Он знал, что лежал на больничной кровати в Крепости Стражи Цитадель-города, и его тело было обожжено драконьим огнем, но Джабари Онаи не знал, почему Богиня оставила его в живых в таком жалком состоянии.

Он попытался открыть глаза, и боль жгучими волнами прокатилась по лицу. Веки расплавились и склеились, отчего ему приходилось смотреть на мир, будто из-за высокой травы.

Он хотел заговорить, попросить Тау или жрецов Саха избавить его от страданий, но не смог издать ни звука. Горло было слишком сильно обожжено.

– Я бы не сказала, что он умирает, – услышал Джабари женский голос, – но не могу и сказать, что он будет жить.

Говорившая перешла к изножью кровати, и сквозь неровные щели между обожженными веками он различил ее рядом с Тау. Это была жрица медицинского ордена Саха.

– Он жив до сих пор лишь потому, что он Вельможа, – сказала она. – Их тела способны выдерживать большие нагрузки, и они исцеляются быстрее нас, но после травм, которые были ему нанесены... это чудо, что он все еще дышит.

– Он боец, – сказал Тау. – Всегда таким был, и если дать ему хоть малейший шанс, он ухватится за него и сделает все возможное, чтобы победить.

– Мы не сдадимся, – сказала она.

Джабари услышал, как по полу царапнул стул. И заскрипел, когда на него кто-то сел.

– Я здесь, Джабари. Это Тау, и я здесь.

– Он вас не слышит, – сказала жрица. – Боль... мы даем ему травяные отвары, чтобы справиться. Иначе было бы невыносимо.

– Его не беспокоит то, что я здесь? – спросил Тау.

– Нет, – ответила она. – Нам всем очень повезло, что с нами был кто-то в... в такое время.

Джабари услышал шаги. Жрица вышла из палаты, и когда стук ее каблуков затих, Тау склонился над ним, чтобы взять его за руку. Прикосновение было бережным, но это не имело значения.

Опаленные пальцы Джабари взорвались болью, и не в силах издать ни звука, не в силах сопротивляться, он всматривался сквозь прорехи в веках на покрытое шрамами обеспокоенное лицо друга, отчаянно надеясь, что Тау увидит в его взгляде свет сознания. Но Тау не видел: он продолжал держать руку Джабари – и сильнее всего желая хоть какого-то облегчения, Джабари искал убежища от собственных чувств. Он уловил знакомый запах кожи, бронзы и земли и изо всех сил попытался найти утешение в нем, но агония не оставила места ни для чего, кроме самой себя.

– Я хочу, чтобы ты знал: у тебя получилось, – сказал Тау. – Ты тот мужчина, которым всегда хотел быть.

Тебе не нужна кровь Великого Вельможи, чтобы быть Ингоньямой, когда у тебя есть такой дух и доблесть.

Джабари слышал, как Тау всхлипнул, и от этого ему стало еще больнее.

– Джабари, неважно, что нас ждет, я позабочусь, чтобы омехи тебя помнили.

Повисло молчание, и хотя его сознание было замутнено обезболивающими отварами, Джабари мысленно кричал. Ожоги причиняли страдания.

– Могло ведь быть и по-другому, нэ? Если бы не испытание? – продолжил Тау шепотом. – Это было будто бы тысячу жизней назад. Я просто хотел, чтобы у тебя получилось, но когда миру было дело до того, чего хочет какой-то Меньший?

Джабари знал, что никогда не забудет этот день. Тау дрался в тренировочном бою с тем избалованным увальнем, Кагисо, и пустил ему кровь на глазах у Советника Стражи Абаси Одили. Он оказался достаточно глуп, чтобы ранить Малого Вельможу. И Одили, желая удостовериться, что Меньший поплатится за оскорбление, поручил Келлану Окару напомнить Тау, где его место.

Арен, чтобы не позволить сыну сражаться с уже легендарным Посвященным Индлову, выступил против Келлана Окара вместо него и потерял руку. Это была трагедия, но Джабари, как и все остальные, видел, что Келлан пытался сохранить Арену жизнь и на этом закончить. Бой и должен был закончиться на этом, но Тау подхватил упавший меч отца и нацелил его Келлану в спину.

Глупец! Вокруг было полно Меньших и Батраков, и все они видели, что он сделал. Тау угрожал Вельможе, а этого спустить ему с рук Абаси Одили не мог. Советник приказал убить отца Тау, после чего отменил испытание для Посвященных Индлову, тем самым поставив под угрозу статус Керема как феода.

В считанные минуты личная трагедия обернулась катастрофой, но потом все стало еще хуже. По пути домой Тау атаковал Лекана, возложив на брата Джабари вину в смерти Арена. И так дважды за один день Тау вынудил превосходящих его противников применить против него силу. И хотя у Джабари от этого разрывалось сердце, единственным способом уберечь Тау от самого себя было убрать его подальше от Лекана, и он изгнал своего друга, с которым они всю жизнь были вместе, из Керема.

Голос Тау вернул Джабари в реальность.

– Они убили моего отца, и я хотел заставить их заплатить за это. Я хотел вступить в армию, чтобы бросить вызов каждому. Я хотел убить их одного за другим на кровной дуэли, потому что это был единственный способ. Иначе Вельможи пришли бы за моей семьей.

Если Джабари не знал, чем закончилась эта история, он мог бы поклясться, что слушает бред сумасшедшего.

– Я думал, что смогу научиться драться достаточно хорошо, чтобы победить такого Ингоньяму, как Деджен Олуджими, – сказал Тау, и перед мысленным взором Джабари предстал запечатлевшийся в сознании образ солдата, который убил отца Тау.

Деджен Олуджими, казалось, сплошь состоял из мышц. Деджен Олуджими был одним из лучших воинов омехи... Был.

– Я был в ярости, – сказал Тау. – Я ходил к Лекану, прежде чем покинуть феода.

Этой части истории Джабари не знал и почувствовал, как его дыхание участилось.

– Я пришел к нему сказать, что в следующий раз, когда мы встретимся, я убью его за то, что он причастен к смерти моего отца.

В эту минуту боль Джабари отступила, впервые с тех пор как он очнулся.

– Лекан напал на меня с ножом. Это он оставил мне этот шрам, – сказал Тау, проводя кончиками пальцев по отметине, которая тянулась от носа к щеке. – Мы начали драться. Я... я защищался, и... он погиб.

Он погиб. Вот как Тау выбирал слова. *Он погиб*. Фраза взорвалась в голове Джабари боевым барабаном.

Его мать проплакала несколько дней после того, как тело нашли у подножия лестницы. Несчастный случай, якобы, поскользнулся, перебрав спиртного. Его мать плакала, сыпала проклятиями и замкнулась в себе. В тот день она потеряла и сына, и часть своей души.

– Я бежал в Кигамбе, прошел испытание Ихаше и попал в Чешуй Джавьёда Айима, – продолжил Тау. – Мне повезло, и точно как ты сказал, нет Умквондиси лучше, чем Джавьед.

Джабари молился о возможности задушить Меньшего, которого звал другом и которого считал равным себе. Его брат был не идеален, но никто ведь не был таковым. Лекану нужен был лишь шанс дорасти до самого себя и до своих обязанностей, но этого шанса его лишили, когда Тау украл его у мира и у семьи.

– Я посвятил жизнь тренировкам. Я стремился стать сильным бойцом, чтобы отомстить за смерть отца. Это было единственное, что имело значение, прежде чем я увидел Зури в Цитадель-городе.

Джабари снова стало больно, и лекарство в его теле давало возможность забвения, если бы он его принял. Он же предпочел боль. Захотел услышать все, что расскажет ему Тау.

– Она спасла меня, Джабари. Жизнь, которую я вел, не стоила того. Встреча с нею в Цитадель-городе была спасением. – Тау замолчал.

Он выпустил его руку, и Джабари возблагодарил Богиню. Было невыносимо беспомощно лежать, пока убийца его брата заботился о нем.

– Именно здесь мне выпал первый шанс победить Келлана Окара. Меня вовлекли в бой против него в одном из городских округов. Я хотел вывернуть его наизнанку, и мне казалось, что я смогу, – продолжал Тау. – Я уже научился драться двумя мечами, и я был хорош, очень хорош. – Тау горько рассмеялся. – Келлан меня уничтожил, – сказал он.

«Лучше бы он тебя убил», – подумал Джабари.

– Я посвящал тренировкам каждую минуту. Я стал самым сильным бойцом в Южном Ихаше Исиколо, но ему я все равно был не ровня. Зури пришлось меня от него спасать, и я бежал из города, как беглый Батрак.

«Потому что ты такой и есть», – подумал Джабари.

– Я всю жизнь положил на то, чтобы стать таким бойцом, каким мне было нужно, но этого оказалось мало, – сказал Тау. – Мне пришлось отдать еще и душу. И я это сделал.

Джабари не понял, что это значит, и ждал объяснений.

– То, что я обнаружил, было скорее проклятием, чем даром, и оно только и ждало, что мне хватит глупости туда влезть. Видишь ли, демоны есть у каждого, – сказал Тау. – Я просто научился своих использовать.

Он говорил загадками.

– Мой чешуй вышел на Королевскую Сечу, и это был первый случай за целое поколение, когда в ней принимали участие Меньшие, – сказал Тау. – Я был частью невероятного, Джабари, и достиг невозможного. Я наконец был готов сразиться с Келланом Окаром, но именно тогда я узнал, что королева Циора тайно заключила мир с ксиддинами, поставив под угрозу все, к чему я стремился.

Тау, должно быть, было тяжело от того, чем закончилась эта история. Он постоянно ерзал на стуле, скрежеща ножками по полу.

– Чешуй Джавьёда славно бился, и мы дошли до полуфинала, – сказал он. – Нам выпало драться против чешуя Келлана, твоего чешуя, и тогда-то у меня появился первый настоящий шанс. Я мог убить Келлана на турнире, и это стало бы не чем иным, как несчастным случаем.

Тау снова поерзал на стуле.

– Ты меня там видел. Ты знаешь, что я бросил своих братьев по оружию, чтобы добраться до него, – сказал Тау. – Я предал семью, которую обрел в Исиколо, ради мести, и когда жизнь Окара оказалась в моих руках, я усомнился. Я не убил его, когда у меня была возможность, а потом возможности не стало. Келлан Окар выжил, и мы выбыли из Сечи.

Джабари был потрясен, когда увидел, что Тау сделал с Келланом. Он считал, что Великий Вельможа неуязвим, и сама мысль о том, что мальчишка, с которым он рос, способен сотворить такое с инколели Чешуя Осы, представлялась ему невыносимой.

– В моем чешуе меня ненавидели, а Зури и Джавьед пытались убедить меня, что Келлан невиновен в смерти моего отца, но я их не слушал, да и времени было мало. Ксиддины начали вторжение.

Джабари вспомнил звук боевого рога той ночью.

– В этом не было смысла, ведь до заключения мира оставалось так всего ничего, – сказал Тау. – Но потом я узнал, что Придворные Вельможи устроили заговор и предали королеву. Они отказались подчинить свою цивилизацию тем, кого считали дикарями. И поэтому тайно напали на ксиддин, используя дракона, чтобы сжечь дотла десятки тысяч людей. А вторжение не означало, что ксиддины отказались от мирного договора. Это значило, что они мстили за бойню, которую мы учинили против их женщин, мужчин и детей, – сказал Тау.

Джабари не желал слушать о том, почему хедени сделали то, что сделали. Это не имело значения. В ту ночь он потерял братьев по оружию. В ту ночь погибли омехи.

– В бою на Кулаке Джавьед, Чинеду и большая часть моего чешуя отправилась к Богине, – сказал Тау.

С чешуем Джабари случилось то же самое. Воины были убиты.

– Ксиддины побили нас, и мы бежали, отступили в Цитадель-город, надеясь найти убежище там. Но вместо этого узнали, что Одили с сообщниками пытались убить королеву, – сказал Тау. – Помнишь, нэ? Мы тогда сражались бок о бок, защищая ее.

Джабари выдохнул, насколько мог, тяжело. Он не желал никакой милости от Тау, и это была ложь: неверно было утверждать, что они сражались бок о бок, потому что это предполагало, будто они были на равных. Он несколько раз едва не позволил себя убить, и Тау снова и снова приходилось его спасать.

– И мы это сделали, – сказал Тау. – Мы не позволили Одили добраться до королевы, и я покончил с Дедженом Олуджими.

Джабари не видел их боя. Он был тогда в комнате с королевой, где проигрывал в схватке Индлову. Но он видел последствия боя Тау. Деджен был разъярен, когда сражался и Тау ослепил его, искромсал на куски и проткнул ему сердце.

Тау в одиночку победил Разъяренного Ингоньяму – порубил его, как мясник. Это казалось невероятным, но все-таки у Тау был секрет. Даже несколько секретов, подумал Джабари, вспоминая погребальное сожжение своего брата.

– Одили бежал, и мы бросились за ним. Но когда мы нагнали его, к воротам подошли ксиддины. – Тау говорил слишком быстро. Джабари становилось трудно улавливать смысл его слов. – Зури призвала дракона, чтобы ксиддины отступили, и Одили приказал своим воинам атаковать зверя, создав суматоху, чтобы самому скрыться. Зури, она... она не могла удержать дракона под контролем, и он взбесился. Пубивал людей.

Джабари хотелось, чтобы Тау замолчал.

– Он бы убил и моих братьев по оружию.

Джабари не желал слушать дальше.

– Но ты ему не позволил. Он жег огнем хороших людей. Но другой хороший человек выставил для них щит, приняв самое страшное на себя. Ты их спас.

Джабари казалось, что он хватается ртом воздух, так же, как в ту ночь, когда он оказался в объятиях пламени, которое сжигало его всего – вплоть до слез, что сочились из глаз.

– Дракон тогда нацелился на Зури, – продолжил Тау дрогнувшим голосом. – Он... он напал на нее... он... Она погибла в ту ночь, а Одили сбежал, и королева выпустила дракона. Она выпустила его, угрожала им ксиддинам, и отдала вождю его сына в обмен на их отступление. В обмен на отсрочку.

Джабари не знал. Не знал, что Зури погибла. Они вместе росли, и она даже немного ему нравилась, когда они были еще слишком юными, и он не знал, что она всего лишь Меньшая.

– Уже скоро ксиддины вернутся, чтобы закончить то, что начали, а наш народ расколот, – продолжал Тау. – Придворные объединились с Абаси Одили и самозваной королевой Эси. Многие другие Вельможи также к ним примкнули.

«Значит, мы все обречены», – подумал Джабари.

– Но это не может закончиться вот так. Нужно еще так много сделать... – Тау осекся, и Джабари услышал приближающиеся шаги.

– Не сдавайся, Джабари Онаи. Мне не помешала бы помощь хорошего и самоотверженного человека.

– Чемпион, – произнес женский голос, – вас зовут.

Женщина подошла, оказавшись в поле зрения. Она была в одеждах Одаренной. «Зури», – подумал Джабари, но вспомнил, что сказал ему Тау: Зури погибла. Значит, эта женщина не могла быть ею.

Стул у кровати Джабари снова скрипнул, и над ним нависла тень.

– Не сдавайся, – прошептал Тау. – Мы достанем того, кто причинил боль нам обоим.

– Чемпион, нам нужно спешить, – сказала Одаренная.

– Абаси Одили не избежит расплаты, – заверил его Тау. – Не сдавайся, и я клянусь, прежде чем наша боль поглотит нас, мы сожжем ее в огне возмездия.

НЕОСПОРИМЫЙ

– Куда мы идем? – спросил Тау Одаренную, которая увела его от Джабари.

Она сказала ему, чтобы он поспешил вернуться в свои покои, сообщив также, что королева готовится к встрече с несколькими Вельможами, и что Нья тоже хотела бы его там видеть. Ответ был неутешительным. Час был поздний, и хотя Тау не слишком много знал о полуночных встречах, он не думал, что они могут сулить что-нибудь хорошее.

В покоях Тау Одаренная велела ему взять мечи из драконьей чешуи и чемпионскую броню, что дала ему королева. Черные клинки, вставленные в рукояти мечей его отца и деда, ощущались на боку привычно, однако броня – из черно-красной кожи, как у Ингоньямы, – казалась ему неудобной.

Дело было не в ее размере и не в качестве. Последнее подношение королевы оказалось настоящим чудом, дававшим Тау бóльшую свободу движений и большую защиту, чем его старый гамбезон. Беспокоил его не внешний вид брони – но ее предназначение.

Ношение ее давало ему звание чемпиона королевы. Оно указывало всему народу омехи, что он – один из лучших среди них, а Тау не питал иллюзий относительно того, что на этот счет думали Вельможи.

– Чемпион, – проговорила Одаренная с дрожью в голосе, оглядывая его с ног до головы. – Чемпион Соларин. – Она вскинула голову. – Я Одаренная Танди, но... я раньше была Высшей Мирянкой, – сказала она с гордостью, хотя Тау не мог быть уверен, связано ли это с ее нынешним положением или со странной оценкой того, от чего она отказалась.

Ему до сих пор было трудно смириться с мыслью, что Одаренные когда-то были Меньшими. Женщина перед ним выглядела сильной, упитанной и безупречно одетой. Сама сущность ее, казалось, предполагала иное происхождение, особенно принимая во внимание ее изящество и уверенность движений, ее гладкую, необветренную кожу и легкость, с которой она позволяла проявиться своей красоте.

Меньшие так не могли. Они как можно глубже запрятывали свою истинную сущность, потому что, привлекая внимание Вельмож, быстро получали напоминание о том, где их настоящее место.

– Они подумают, у меня нет права это носить, – сказал он, выплеснув свои мысли прежде, чем успел их сдержать.

– Они будут неправы.

– Почему вы так говорите?

– Я так говорю, потому что если бы кто-то мог оспорить ваше право, он бы уже это сделал, – сказала она. – Достичь того, чего достигли вы, учитывая, что они о нас думают, – значит стать неоспоримым. – Она поманила его рукой. – Следуйте за мной.

Быстрыми шагами они прошли по галерее залов, где миновали нескольких стражей, каждый из которых отдал честь Тау, следуя воинскому инстинкту, превосходящему любые сомнения, которые могли возникнуть относительно мужчины, носящего броню Ингоньямы. Танди привела его в незнакомую ему пустующую часть Крепости Стражи, где стены не были украшены ни гобеленами, ни картинами, а голые полы повторяли стук шагов. Приведя его в конец неотделанного коридора, она остановилась перед запертой дверью, которая была едва выше Тау и заключена в бронзовую раму.

– Мне жаль вашего друга, Малого Вельможу, который был опален, – сказала она, достав ключ, скрытый в ожерелье, и отперла дверь. – Я слышала, он спас немало жизней.

– Так и есть, – кивнул Тау.

За дверью оказалась узкая лестница, которая вела в темноту, и Одаренная Танди пошла вперед.

– Минуту, Леди Одаренная, – сказал Тау, стараясь скрыть страх в голосе, охвативший его при виде лежащего перед ним пути. – Лестница... вы хотите, чтобы я спустился в тоннели под крепостью?

Женщина взглянула на него через плечо.

– Идемте, чемпион, – сказала она. – Визирь ждет.

Тау отступил на шаг.

– Полагаю, мне нужно знать больше о том, что мы делаем и почему, а она могла бы немного подождать.

Танди склонила голову набок и прищурилась. Она не была похожа на остальных Одаренных, которых он встречал. Почти все они выглядели аскетично и строго, однако лицо Танди было круглым, с большими глазами и губами, которые легко растягивались в улыбке. Выглядела она молодо, искренне и обнадеживающе.

– Тоннели – лучший путь через крепость, если нужно, чтобы нас не увидели, – сказала она.

– Почему нам нужно, чтобы нас не увидели? Мы в опасности?

Она мимолетно улыбнулась.

– Да

Он нормально прошел первые два поворота в освещенных факелами тоннелях, но потом, когда выход остался далеко позади, у Тау задрожали ноги, во рту пересохло. Он попытался скрыть свое состояние от Одаренной, не желая показаться ей слабым. Но его затошнило, он споткнулся и прислонился к стене.

– Чемпион?

– Я в порядке, – проговорил он заплетающимся языком. – Мне не... мне не нравятся тесные пространства.

– Я могу помочь? – спросила она.

Он отмахнулся и прикрыл глаза.

– Сейчас пройдет, – сказал он, представляя, что стоит под открытым небом в горах Керема.

– Я справлюсь, – пробормотал он, отталкиваясь от стены, когда раздался такой раскат грома, что с потолка тоннеля посыпались куски отсыревшего самана.

Тау припал к земле и бросился к стене, прижавшись к ней спиной. Его сердце подпрыгнуло в груди, как лягушка, которую ткнули палкой.

– Это просто буря, – сказала Одаренная, присев рядом с ним и протянув ему руку. – Тоннели не отделаны, но они не обрушатся. Обещаю.

Тау уставился на нее, но видел не Одаренную Танди. Он вспомнил последний раз, когда кто-то пытался успокоить его в этих тоннелях. Он вспомнил Зури и заметил, что буря не утихла с той ночи, когда он потерял ее. Он не помнил, чтобы буря продолжалась так долго, и задумался: не скорбели ли небеса вместе с ним?

– Давайте помогу, – сказала Одаренная.

У нее были карие глаза, как и у Зури, но только это и было в них общего.

– Мне не нужна помощь, – ответил он, и хотя Танди, судя по ее взгляду, в этом сомневалась, ответить она не успела.

Из-за дальнего угла тоннеля показалась Нья. Выглядела она так, словно не спала несколько суток.

– Одаренная Танди, вы опоздали, – заметила старшая женщина. И так, словно встретить Тау сидящим на заднице в тоннелях Крепости Стражи было совершенно обычным делом, приветствовала его:

– Добрый вечер, чемпион.

– Визирь, – проговорил Тау, не сводя глаз с ее лица, чтобы не смотреть на движущийся, как ему казалось, пол.

– Выглядите ужасно, – заметила она.

– Солнце бранит очаг за то, что в хижине знойно, – ответил он.

Одаренная Танди хихикнула, и Нья повернулась к ней. Танди сделала вид, будто прочищала горло.

– Это происходит каждый раз? – спросила Нья, вновь обращаясь к Тау. – Вы всегда пугаетесь замкнутых пространств?

– Мне неудобно, но могло быть и хуже, – отозвался он. – Я мог бы быть детенышем.

В тоннелях было жарко, но температура, казалось, снизилась от взгляда, которым одарила его Нья.

– Вы знаете, почему присутствие и назначение детенышей известны лишь немногим, чемпион? – спросила она.

– Потому что это неправильно, – ответил он, пытаясь подняться на ноги.

– Потому что не имеющие способностей мыслят слишком просто. Ведь они не понимают и не ощущают, как много может спасти или уничтожить настоящая сила. Они видят все либо правильным, либо неправильным, но мир и предназначение тех, кто в нем живет, искажаются и оцениваются неверно, если сводить их к такой простой двоичной системе.

Тау покачал головой и, проверяя способность сохранять равновесие, сделал шаг навстречу Нье.

– Неправильно есть неправильно, – сказал он, желая узнать, что находится за тем углом, откуда она пришла, и увидел, что тоннель всего в нескольких шагах от него оканчивался закрытой дверью. – Он там, так ведь? – спросил он.

– Поворачивайте, – сказала Нья, указывая в ту сторону, откуда они с Танди пришли. – Мы идем туда.

Он не был готов уйти.

– Они разумные, нэ? Поэтому же они умеют держаться Одаренных, когда их увещевают? Они разумные, а вы держите их под землей, за закрытыми дверями почти все время, что мы живем на этой земле.

Визирь выдержала его взгляд.

– Вы мыслите слишком просто, и вы не правы от начала и до конца. – Она скрестила руки на груди и отступила в сторону. – Двери к нежеланным истинам редко бывают закрытыми, ибо лишь немногие действительно хотят видеть то, что находится за ними.

Нья не ожидала, что он войдет. Она думала, что он не захочет стать свидетелем того, какая цена платится за их спасение, но Тау уже эту цену видел и вынес ее. Он уже был там, беспомощный, вынужденный смотреть, как Зури отдает свою жизнь, чтобы спасти других, и будь он проклят, если не сможет хотя бы оказаться рядом с тем, что ее убило. Поэтому, даже не взглянув в сторону визиря, он шагнул вперед и толкнул незапертую дверь.

ИНСТРУМЕНТЫ

В драконьей тюрьме было жарко, как во время Складки. Она напоминала пещеру, а пахло здесь так, словно протухли яйца иньюки. Ее освещали тлеющие факелы, которые явно проигрывали бой темноте. Пространство выглядело так, словно Богиня перевернула и уронила на мостовую грубо сработанную чашу из затвердевшей глины. Тау стоял на потрескавшихся, крошащихся камнях, сглаженных бесчисленными шагами.

В глубине комнаты, рассредоточенные по периметру, стояли на равном расстоянии друг от друга шесть Одаренных. С прямыми спинами и закрытыми глазами, с накинутыми капюшонами и склоненными головами, почти все они пошатывались от усталости. Они находились в Исихого. Это Тау точно знал. Только так можно было объяснить беспокойный сон, в котором пребывал лежавший перед ним зверь.

Между ними оставалось не больше сорока шагов: никогда еще Тау не подбирался так близко к дракону. И хотя создание было еще далеко не взрослым, Тау впечатлили его размеры. Детеныш оказался крупным, а его чешуйки, чернее смолы и тверже кованой бронзы, сливались воедино в этой тьме, которая была до того плотной, что Тау не мог толком рассмотреть их форму и глубину.

В тюрьме никто не разговаривал, но и молчанием то, что здесь царило, назвать было нельзя. При каждом вздохе чешуйчатого создания раздавались хрип и шипение, и стоя спиной к тоннелям и лицом к пещере, Тау почувствовал, что его желудок, который начал успокаиваться, при виде дракона заволновался вновь. Тау не мог сосредоточиться ни на одной части тела дракона, чтобы чешуя не искажала и не притягивала к себе взгляд.

– Богиня... – пробормотал он.

Одаренная Танди, стоявшая позади него, шепнула Нье:

– Из Пальма пришло донесение. По поводу прислужниц.

– Они целы? – спросила визирь.

Не слушая их, Тау шагнул в глубь тюрьмы, намереваясь понять, что за существо перед ним.

– Они выехали за стены Пальма прошлой ночью, – сказала Танди Нье. – Из-за пропавших лошадей подняли тревогу, но преследовать прислужниц не стали.

– Они выбрались, – кивнула Нья. – Хвала Богине, от этой вести королеве станет легче.

Длиной от морды до хвоста детеныш дракона многократно превосходил рост Тау. Он был достаточно велик, чтобы раздавить Тау одним своим когтем, а приблизившись, Тау увидел, что в некоторых местах на его теле не хватало чешуек. Кожа там была серой, сморщенной и воспаленной, как рана, которую плохо лечили.

Он обернулся к женщинам.

– Вы держали это существо здесь долго, очень долго. Поддерживали его существование между сном и смертью. Использовали, чтобы управлять его сородичами, и создавали оружие, отрывая куски от его тела.

– Мы защищали свой народ, чемпион, – сказала Нья, покосившись на мечи стражи у него на боку. – И никто из нас не невинен, потому что всем выгодно то, что здесь происходит.

Не желая встречаться с нею взглядом, Тау снова повернулся к пленнику. Жар, понял он, исходил от самого зверя. Тау подошел ближе.

Глаза и пасть дракона были закрыты, но несколько клыков, торчавших между губ, можно было рассмотреть. Зубы были угольно-черные, серповидные – подлинными инструментами для рассечения плоти.

– Думаете, вы поможете делу, находясь здесь? – спросила Нья.

Он не обращал на нее внимания, позволяя жару обдавать тело, наказывать его за несостоятельность, и Нья, подойдя к нему, встала рядом. Она была высокой и держалась гордо, несмотря на то, что ей было тяжело дышать от жара, исходившего от детеныша.

– Мы нужны нашей королеве.

Тау ничего не ответил, не сводя глаз с дракона.

– Пока вы проводили последние дни в уединении, оставшиеся в городе Великие Вельможи решили сами образовать Правящий Совет. – Нья скривила губы. – Они думают, что могут «советовать» королеве.

– В Пальме ведь уже есть Правящий Совет, – возразил Тау.

– Эти черви в Пальме правят только предателями. Как они могут считаться Правящим Советом, если они подчиняются Одили?

Три слога в имени Одили показались Тау прикосновением пальцев, обхвативших его горло. И ему стало трудно не то что говорить, но даже сглотнуть вставший в горле ком.

– Неужели все монархии такие хрупкие? – спросил он. – Почему Одили может объявить истинным правителем сестру королевы и заставить весь Пальм подчиняться королеве Эси вместо королевы Циоры?

– Ошибочно думать, что перелом – следствие единственного удара, – сказала Нья, отступая на полшага и вытирая пот со лба. – В тот момент, когда нож вонзается вам в позвоночник, может показаться, что это так, но убийцы хладнокровны. Они никогда не доверят вашу смерть одному-единственному удару.

– Значит, были и другие попытки сместить Циору? – спросил Тау. – Но вы же визирь королевы. Почему вы это не прекратили? Почему не предвидели, что это произойдет?

– Всегда есть опасность, что это произойдет, – сказала она. – В самом ноже нет ничего удивительного, все дело в выборе момента для удара.

Она снова вытерла лоб, отступила еще на шаг и кивнула в сторону дракона.

– То, что ты сказал, – правда. Мы отняли это создание у его семьи и сделали рабом.

Тау держал левую руку на рукояти одного из мечей, и его пальцы сжались сильнее.

– Зачем вы это говорите? Вы позволили мне войти сюда, чтобы дразнить тем, что сделали?

– Разве я могла вас остановить? – спросила она. – И разве вы сами не видите, насколько далеко мы все готовы зайти, чтобы спасти тех, кого любим?

Он повернулся к ней лицом. Кожа на ее губах потрескалась от жара.

– Я люблю нашу королеву, чемпион Соларин, а этот так называемый Правящий Совет собирается без нее, – сказала она. – Вы понимаете, что это значит? Вы понимаете, в каком положении мы все оказались? – Она отвернулась от него, от дракона и от жара. – Идемте, нас ждут.

Нья хотела, чтобы он сражался за королеву, и, возможно, королева Циора была лучшим правителем для народа омехи, чем Придворные Вельможи или ксиддины, но Тау не приносил присяги чемпиона, потому что не считал важным сражаться за трон Циоры. Она сидела на нем, когда убили его отца, и это Арену ничуть не помогло.

Мотивы королевы были не его делом. Тау сражался ради того, чтобы добраться до Абаси Одили, искромсать его на части и вывернуть наизнанку, потому что только так можно было заставить Вельмож увидеть и услышать такого человека, как Тау. Чтобы быть понятым, ему нужно было говорить на языке, на котором могущественные общаются с немощными. На языке боли, страха и потерь. Могущественным нужно было показать, что людей можно подталкивать к пламени лишь до тех пор, пока они не загорятся и не сожгут все дотла.

Он подошел к дракону еще ближе.

– Придворные Вельможи – организаторы заговора, и они для нас потеряны, – сказала Нья. – Немногочисленные Малые и Великие Вельможи, оставшиеся на стороне королевы, колеблются – ими некому управлять. Мы не можем позволить им считать, что королева слишком слаба, чтобы удержать нас всех вместе. Нам нужно обуздать этот Правящий Совет.

Тау чувствовал кожей такой жар, что она уже могла покрыться ожогами.

– Вы хотите ворваться на заседание Совета и застать всех врасплох, – сказал он. – Хотите, чтобы я тоже был там, со своими мечами и шрамами, чтобы я напомнил им, что у королевы есть не только слова, но и оружие.

– Каждый инструмент имеет свое назначение, чемпион, – сказала она. – Выполните ли вы свое предназначение? Послужите ли королеве? – Нья взглянула на дракона и снова перевела взгляд на Тау. – Или только самому себе?

Не дожидаясь ответа, Нья пошла к выходу, оставив Танди позади.

Младшая Одаренная указала на землю у Тау за спиной, ближе к дракону.

– Обратите внимание на кровь под ногами, чемпион. Она может быть смертельно опасной.

Тау проследил за ее жестом и увидел темные влажные пятна, полосами тянувшиеся по булыжнику.

– Это его кровь?

– Детеныш был ранен, когда поднялся на поверхность, а его кровь в любом случае ядовита, – сказала она. – Индлову собрали сколько могли, но жар Стража не позволяет подобраться достаточно близко, чтобы собрать ее всю. Будьте осторожны.

– Понял.

Она кивнула ему, помолчала и вновь заговорила.

– Вы же пойдете, да? – спросила она. – Нья не все вам рассказала.

Тау стоял к ней спиной, но слушал внимательно.

– Мы не можем полагаться на преданность оставшихся, – сказала она. – Вельможи выполняют приказы генерала Отобонга. Он старший Индлову в крепости, и он близко общается с членами этого... Правящего Совета.

Тау ничего не ответил.

– Нам нужна ваша помощь, – сказала Танди, прежде чем выйти вслед за визирем.

Когда она ушла, Тау подошел к зверю, насколько мог, близко. Он мог протянуть руку и прикоснуться к нему, но жар при этом ощущался такой, словно он стоял на вершине погребального костра. И тем не менее, он наклонился еще ближе, так что его обожженные губы почти коснулись драконьей чешуи.

– Она чувствовала вину за то, что с тобой сделали, и я не стану винить тебя в ее смерти, – прошептал он зверю. – Я лишь хочу, чтобы ты знал: омехи не предполагали для тебя ничего, кроме этого. – Плоть на его щеках начала отслаиваться. – Они не простили бы, если бы так обращались с ними, поэтому не верят, что простишь ты. Они думают, что ты убил бы нас всех, если бы мог, и поэтому никогда тебя не отпустят. – Он покачал головой. – Но Зури считала, что то, что мы сделали... что мы делаем с тобой – проклятие для наших душ. Она сказала мне, что расплата близка, но я сомневаюсь, придет ли она.

Неспособный больше выдерживать жар, Тау отступил.

– Когда придет время, я обещаю дать тебе свободу или быструю смерть, – сказал он. – Как только смогу, я так или иначе тебя вызволю.

Драконий глаз вдруг распахнулся. Кроваво-красная радужка в нем окружала такой темный зрачок, что, глядя на него, Тау почувствовал, что всматривается в бездну. Зрачок стал вертикально сужаться, фокусируясь, и дракон заворочался, пытаясь встать.

Услышав, как что-то упало на землю у него за спиной, Тау подскочил, выхватив меч.

– Чемпион!

Тау взглянул в ту сторону, откуда донесся голос. Это была одна из Одаренных, которые держали детеныша под контролем, и она указывала на женщину рядом с собой. Та упала, лишившись сознания.

– Пожалуйста, – сказала Одаренная, – от вашей близости к Стражу наша работа требует больше усилий. Пожа...

Дракон взревел, и его рев отдался у Тау в голове щелчком кнута, а глаз, что смотрел на него, закатился, когда дракон заскреб по мощеному полу, пытаясь подняться. С мечами наготове, Тау сместился вбок, подальше от когтей, и его внимание привлекло движение в круге Одаренных.

Женщина, упавшая на колени, протянула руку в сторону детеныша. Эффект был незамедлительным. Теперь, когда круг Одаренных восстановился, дракон не мог вырваться на волю. Тау, пятясь, наблюдал за тем, как зрачок детеныша снова расширился и потерял фокус, а потом глаз наконец закрылся.

– Чемпион, – обратилась к нему все та же Одаренная сквозь стиснутые зубы, с явным напряжением от управления своим даром, – вам следует предоставить это нам.

Взглянув еще раз на Одаренную, упавшую на колени, и пожалев, что не может ничем помочь этим женщинам, которым так усложнил работу, Тау кивнул и вышел из тюрьмы. Его кожа была опалена, но страдал он не от этого. Он думал о Зури.

Дни после ее смерти были невыносимыми; ночами было того хуже. Как и детеныш дракона, Тау жил такой жизнью, которая была лишь ненамного лучше смерти, но в отличие от зверя, он еще мог управлять тем, куда полыхнуть своим огнем.

Он пойдет к королеве. Она в нем нуждалась, а он нуждался в ней. Он пойдет к королеве, потому что в конце их общего пути стоял Абаси Одили.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Тау встретил своих братьев по оружию в коридоре, ведущем в покои совета. Они ждали его. Они не виделись с ночи битвы, и их лица напомнили ему о тех, кого он больше никогда не увидит.

– Тау! – воскликнул Хадит, шагнув к нему и обхватив обеими руками. – Рад тебя видеть.

– И тебя, – ответил Тау. У него кружилась голова. Тоннели еще не ослабили свою власть над ним, и он посетовал, что ему не хватило времени, чтобы прийти в себя, прежде чем наткнуться на всех сразу, но даже в таком состоянии он не мог отрицать, что был рад видеть своих братьев.

Удуак, дождавшись, пока его отпустит Хадит, тоже заключил Тау в объятия, сжав его не успевшие зажить ребра.

– Тау, – прогремел здоровяк.

– Мирянин из Керема! – Темба, улыбаясь так широко, что были видны все зубы и щели между ними, где зубы должны были быть, сделал вид, будто медленно осматривает его с головы до ног. – Новая одежка и мечи тебе идут.

Келлан, стоявший по стойке «смирно» в нескольких шагах позади, отдал ему честь.

– Чемпион Соларин.

Ощущая себя неловко от того, что Ингоньяма проявляет к нему такое уважение, Тау тоже отдал честь. Келлан проявил себя достойным бойцом, но Тау все равно трудно было считать их равными, причем воюющими на одной стороне.

– Рад тебя видеть, брат, – сказал Яу, появляясь из тени, чтобы хлопнуть Тау по плечу. – По тебе скучали.

– И я тебя, брат, – сказал Тау.

– Есть шанс, что нас сюда подняли, чтобы тоже выдать красивенькие мечи? – спросил Темба. – Цвет этих лезвий очень идет моим глазам.

Они все были без оружия, и Тау задумался, была ли в шутке Тембы доля правды.

– Это не я вас поднял.

– Темба просто шутит, – сказал Хадит. – Но то, что нас подняли – правда. Мы спали, когда Нья послала за нами. Но ты идешь не из своих покоев. Где ты был?

– Нэ? – спросил Тау, зная Хадита достаточно хорошо, чтобы думать, что он мог не заметить его неуверенной походки.

Хадит положил руку Тау на плечо.

– Вид у тебя такой, будто ты сидел в замкнутом пространстве, – сказал Хадит тихо, чтобы не услышали остальные. – Откуда идешь, чемпион?

От ответа Тау спасла королева со свитой. Королева Циора Омехиа вошла в просторный коридор из ответвления сбоку. С нею были визирь и Одаренная Танди. За ними шагали четверо королевских стражников.

Тау и все, кто был с ним, опустились на колени.

– Встаньте, – сказала королева. – Мы благодарим вас за то, что оставили свой покой в столь ранний час, однако вас вызвали не без повода. – Она кивнула Нье.

– Мы идем в зал совета, – сказала им Нья. – В этой крепости, вероятно, находится несколько Великих Вельмож, которые решили сами образовать Правящий Совет. Их поспешность в этом деле я объясняю желанием предложить нашей монархии помощь и мудрость, поскольку все прочее опасно напоминает *измену*. – Нья произнесла последнее слово с особенной выразительностью, отчего оно прозвучало еще неприятнее обычного. – Вас позвали сюда неспроста. Большинство из вас Меньшие, но вы сражались за свою королеву, когда это каза-

лось безнадежным. Великий Вельможа Келлан Окар, племянник прошлого чемпиона, сейчас с вами. Он встал на защиту королевы, когда так поступили лишь немногие из Индлову.

Келлан склонил голову, принимая похвалу.

Нья кивнула ему в ответ и повернулась к Тау, оглядев его с ног до головы.

– С нами также провозглашенный королевой чемпион, – сказала она. – Чемпион Соларин, который поклялся служить королеве до конца своих дней... или пока она будет находить его службу достойной.

Тау едва удалось сдержаться, чтобы не ответить на ее укол, но он не отвел глаз, выдержав ее взгляд.

Через секунду Нья отвернулась, снова обратившись ко всем присутствующим:

– Полагаю, этот так называемый Правящий Совет надеется вновь связать народ омехи воедино, и в этом я не нахожу ничего дурного, – сказала она. – Однако то, что они создают свой совет тайно и без участия королевы, позволяет предположить, что окончание гражданской междоусобицы – не единственная их цель.

– Прошло всего несколько дней, но Вельможи *совета* забыли о том, кто погиб, чтобы остановить заговорщиков Абаси Одили. Однако вы им напомните, – заявила Нья. – Вы здесь затем, чтобы они увидели, что клинки, которые сражались с Одили, верны королеве Циоре Омехиа II, а не *советам*, будь то правящим или стражничким.

– Они думают, мы слишком молоды, чтобы править, – сказала королева, шагнув вперед и привлекая внимание всех собравшихся. – Они считают, что ущерб, который причинил Одили, может быть возмещен лишь их руками, которые они называют опытными и достойными. Но они управляли многими поколениями народа омехи, однако сегодня наши люди голодают, страдают и гибнут гораздо больше, чем когда-либо прежде.

– У Правящих Советов был шанс, – сказала она, – и они потратили его на бесконечную войну, которая медленно обращает наш народ в пыль. Они указывают на опыт, который получили, но мы отвечаем, что этого недостаточно. Мы отвечаем, что этого не будет достаточно никогда.

Королева в своем полуночно-черном платье с золотистыми узорами по краям зашагала вперед, приглашая следовать за нею. Нья, Танди и королевская стража двинулись следом, и все остальные последовали за ними.

– Ее бы слова да Богине в уши, – услышал Тау слова Яу, которые тот пробормотал себе под нос, словно молитву.

– Чемпион, – процедила сквозь зубы Нья, обернувшись через плечо. – Полагаю, вы не откажетесь сопровождать вашу королеву, как предписывает обычай?

Со смесью раздражения и смущения Тау прибавил шаг, пробрался мимо Тембы, чья поднятая бровь и сверкающие глаза словно бы просили залепить ему пощечину. Он догнал королеву, и они прошли в аванзал Крепости Стражи.

Тау не бывал здесь со дня, когда сражался бок о бок с чемпионом Окаром, и теперь было странно видеть большое круглое пространство пустым, без хаоса схваток, которые десятками велись здесь не на жизнь, а на смерть. В остальном же это странное помещение было таким же, каким Тау его помнил.

Высокий балкон, куда можно было подняться по двум лестницам, поддерживали толстые колонны, и хотя подобная вычурность производила впечатление, все эти колонны, лестницы и балкон не шли ни в какое сравнение с центральным элементом аванзала.

Фонтан из белого, как мел, камня, был наполнен бурлящей красной жидкостью. В кровавого цвета водах возвышалась статуя чемпиона Циори, вонзающего меч в глубину. У статуи каким-то загадочным образом собиралась карминовая жижа, которая окружала руку Циори с мечом. Это было жестокое напоминание о том, как дорого обошлись народу омехи первые годы на полуострове. Тау же вспомнил о погибших в этом зале лишь несколько ночей назад.

Он отвел взгляд от статуи и посмотрел туда, где пал его предшественник – Чемпион Окар. В сумраке Тау едва сумел различить таинственные серые фигуры, и его руки дернулись к рукояткам мечей.

Он уже почти выхватил оружие, но фигуры оставались неподвижными, и королева положила свою удивительно холодную руку на его кисть. Тау едва смог не отпрянуть от ее неожиданного прикосновения.

– Мы попросили скульптора изобразить сцену последней битвы чемпиона Окара, – сказала она. – Когда он закончит работу, любой желающий пройти через эту галерею должен будет миновать статуи Королевской Стражи, которая пала, сдерживая атаку. И также изображение Чемпиона Окара, который отдал свою жизнь за нас.

Говоря все это, она смотрела на него, и на сей раз Тау первым отвел взгляд. В том, как она на него смотрела, чувствовалось нечто необычное. Они были незнакомцами, но ей не составляло труда задерживать на нем взгляд. От этого он чувствовал себя не столько человеком, сколько вещью, любимой игрушкой, давно потерянной и вновь найденной.

– Ты считаешь это уместным? – спросила его королева, когда они проходили мимо незаконченных статуй.

– Считаю... моя королева. Вы чтите чемпиона Окара и всех, кто сражался с ним плечом к плечу.

– Он чтит нас, – ответила она, проходя в следующую галерею, ведущую в новую для Тау часть Крепости.

Они оказались в коротком проходе, который оканчивался деревянной дверью, охраняемой двумя Индлоу. Солдаты резко выпрямились, завидев королеву. Тау не обращал на них особенного внимания. Он смотрел на дверь.

Дерево выглядело светлым даже в тусклом свете факелов. Он видел, что дверь была сделана из хрупкой ксидданской древесины. Несмотря на размеры, он мог бы пробить ее ногой, если бы это понадобилось.

– Откройте, – приказала королева Циора, приближаясь к Индлоу. – Нам нужно кое-что сказать тем, кто внутри.

Солдаты, поколебавшись, переглянулись, но королева шла, не сбавляя шага, словно дверь уже была открыта, и двое Индлоу поспешили устранить препятствие.

СОВЕТЫ

Когда дверь в зал совета открылась, Тау услышал низкий мужской голос, который приводил доводы в каком-то споре, но смолк, когда вошла королева. Тау и Нья, а за ними и все остальные, вошли следом.

Помещение было круглым, замкнутым, ярко освещенным, но задымленным горящими факелами, а пол был выкрашен в черный цвет. В центре внимания находился похожий на каменную глыбу мужчина в форме Ингоньямы. Его гладковыбритая голова сверкала в свете факелов, а густые брови выглядели настолько густыми, что, казалось, могли сдержать ливень, не позволив намокнуть его носу.

Тау подумал, что это он сейчас спорил низким голосом, но это была лишь догадка. В комнате находились еще одиннадцать Индлоу, которые сидели на скамьях, расположенных амфитеатром, и когда вошла королева со свитой, они встали и отдали честь. Королева проигнорировала военных, и Тау последовал ее примеру, оглядев пространство зала.

Круглое помещение производило такое впечатление, словно не имело ни начала, ни конца и вообще не предполагало какой-либо иерархии. Это была красивая идея, но принадлежала она не народу омехи. Поперек комнаты, перед Тау, вместо еще одного ряда скамей

тянулся ряд стульев с высокими спинками, и на них сидели шесть женщин, Великих Вельмож. Королева Циора сосредоточилась на них.

– Моя королева, – проговорил Ингоньяма с кустистыми бровями, отдав честь с такой силой, что проломил бы рукой себе череп, не будь тот крепким как сланец.

Она наклонила голову, но на него не взглянула. Вместо этого королева обратилась к одной из двух женщин, которые сидели ближе всех к центру из тех шести, что занимали ряд стульев.

– Что вы тут делаете в темноте, Мирембе?

– Моя королева, – ответила Мирембе, приподняв бровь, – ваше присутствие – честь для нас.

– Неужели?

Опустив голову и подняв глаза, Мирембе улыбнулась, словно королева отпустила шутку. Великая Вельможа с волосами цвета серых одежд Ихаше, прошла по своему пути множество кругов, но сохранила красоту. Ее кожа цвета свежего угля была гладкой, глаза были ясными, с легкими морщинками по краям, и когда она улыбнулась, показались ее белоснежные зубы.

– Находиться рядом с вами – всегда честь, моя королева.

– Раз уж честь столь велика, почему же вы не попросили нас посетить это... собрание?

Мирембе села, поправив пышные юбки.

– Мы собираемся исключительно для того, чтобы исследовать пути, лежащие перед нами. Мы собираемся, чтобы упорядочить наши мысли, и когда они будут упорядочены, мы сможем представить их вам, моя королева.

Нья шагнула вперед, поравнявшись с Циорой.

– По какому праву? – спросила она.

Мирембе сделала вид, будто не поняла вопроса.

– Прошу прощения, визирь?

– Ты меня слышала.

Мирембе сверкнула все той же улыбкой, которая показалась Тау неправдоподобно широкой, едва ли не до ушей.

– Визирь Нья, я слышала вас, но не понимаю вашей озабоченности. Мы просто выполняем свой долг как единственный подлинный Правящий Совет этого полуострова.

Нья пренебрежительно махнула на Мирембе рукой.

– Вы встречаетесь посреди ночи с генералами королевы, голосуете сами за себя, и вам еще хватает дерзости, чтобы...

– Осторожнее, визирь, – сказала Мирембе. – У вас есть голос в решениях совета, но, по-моему, эта традиция не позволяет вам нас обесценивать. – Она поерзала на стуле, наклонившись вперед. – Мы были единодушны без вас, но если вы желаете проголосовать против образования совета, то можете сделать это сейчас, пусть это ничего и не изменит, учитывая, что нас большинство.

Воздух буквально гудел от напряжения. Тау ощущал это кожей.

– Большинство? Кого вы вшестером представляете, кроме самих себя? – спросила Нья.

Улыбка сползла с лица Мирембе.

– Мы Правящий Совет. Мы представляем народ омехи.

– Его полное название – Правящий Совет Королевы, – сказала Циора, – и сейчас, пожалуй, пришло время вашей королеве выразить свое мнение.

Мирембе вновь расплылась в улыбке, а когда она заговорила, Тау показалось, что ее зубы стали длинными и загнутыми, как клыки.

– Ваше величество, если бы это зависело лишь от меня, ваше мнение было бы единственным, что следовало бы учитывать.

Тау крепко зажмурился, стараясь прогнать видение, а председатель продолжала говорить.

– Мне больно даже упоминать об этом, – сказала Мирембе, – но как все мы знаем и принимаем, закон омехи гласит, что воля королевы должна быть уравновешена волей Совета Стражи и Правящего Совета.

Тау открыл глаза. Председатель снова выглядела обычно. От своего видения он избавился, но Нья заметила его поведение и боковым зрением следила за ним.

– Наша война с ксиддинами близится к апогею, однако наше королевство сейчас расколото, – сказала Мирембе. – Наше существование зависит от решений, которые мы примем в ближайшие несколько дней.

Генерал кивнул.

– Ваше величество, – сказала Мирембе, – мы находимся в состоянии войны, но вопросы войны – не удел ни королев, ни правящих советов. Нам следует думать о нашем народе, именно по этой причине генерала Аде Отобонг попросили возглавить наш новый Совет Стражи и ваши войска.

– Значит, вы решили привести к власти мужчину, который будет действовать в качестве третьей уравновешивающей силы в нашем королевстве? – спросила Циора таким тоном, что Тау подумал, что с таким же успехом она могла бы вонзить в Мирембе клинок.

– Мы решили, и он это примет, – ответила Мирембе дрожащим голосом и указала на Отобонга. Ее тон был серьезным, почти испуганным, но глаза выдавали иное. Их взгляд был ясным, острым и твердым, как бронза. – Моя королева, чтобы положить конец гражданской междоусобице, восстановить Пальм и вернуть преданность всех наших Вельмож, нам следует быть сильными и показать Одили, что цена войны слишком высока. Нам следует представить Абаси Одили противника, которого ему придется уважать, и наш совет, ваши слуги, все до единого, видят в этой роли генерала Отобонга.

– И вы решили все это лишь за одну дождливую ночь? – спросила королева.

Несмотря на большое расстояние между ними, Мирембе протянула руку, словно хотела коснуться Циоры, если бы только могла.

– Решили, моя королева. Решили, моя дорогая. Скажите ей, генерал.

– Совет проголосовал за то, чтобы наделить меня властью над всеми Ихагу, Ихаше и Индлову, которые остаются верными вашему величеству, – сказал генерал Отобонг. – Путь, лежащий перед нами, не будет легким, но с благословением Богини, я верю, что мы сможем вновь сплотить наш народ и восстановить контроль над полуостровом, когда нападут ксиддины.

– С благословением Богини... – повторила Циора, будто разговаривая сама с собой.

Не обращая внимания на ее тон, Отобонг неумолимо продолжил:

– Мы считаем, что у Одили в Пальме полтора дракона воинов. Также пять чешуев Индлову и более тридцати чешуев Меньших, примерно поровну распределенных между Ихаше и Ихагу. В этом городе у нас один боевой дракон, включающий один с третьей чешуей Индлову и двадцать восемь чешуев Меньших. С такой численностью ясно, что мы не сможем взять столицу, прежде чем вернутся ксиддины, поэтому первым шагом будут переговоры с Пальмом. Я убежден, они пройдут хорошо, потому что Одили меня знает. Он знает, что я верен данному слову. – Отобонг трижды ударил себя кулаком в грудь. – Он знает, что ему лучше не ввязываться в бой, который я ему устрою, и как только ему будет предложено полное помилование, мы сможем договориться об условиях с ним и королевой Эси.

При слове «помилование» Тау оскалился и схватился за рукояти своих мечей. Движение вышло заметным, и генерал сдвинул густые брови, и опустил глаза на оружие Тау. Он хотел было что-то сказать, но слово взяла королева.

– С королевой Эси? – переспросила она едва слышно.

– Ах... ваше величество, – начал Отобонг, – ваша сестра сейчас называет себя так, не обессудьте, я просто...

– С королевой Эси? – повторила Циора, на этот раз громче.

– Королева Циора, – сказала Мирембе, подчеркнув ее имя, – полагаю, генерал лишь хотел сказать, что как только начнутся переговоры, благоразумно будет оказать всяческую любезность той стороне. Это ведь так, генерал?

– Как пожелаете, Председатель.

– Да, – сказала Мирембе, низко склонив голову перед королевой.

– Довольно, – сказала Циора. – Приберегите подобные козни для другого дня. Мы не позволим...

– Козни? – повторила Мирембе, повысив голос. – Моя королева, это нечестно...

– Ваша королева говорит! – воскликнула Нья.

Мирембе вскочила, уже не демонстрируя никакого подобострастия. Вместо того чтобы склонить голову и тонко улыбнуться, она сжала руки в кулаки.

– Визирь, вы превышаете свои полномочия.

– Мы сказали довольно, – заявила Циора. – Эта встреча основана на ошибочном убеждении в том, что мы не способны вернуть себе столицу и трон.

По-прежнему сжимая рукояти мечей, Тау взглянул на королеву. Он выбрал ее сторону и не собирался ее покидать. Она обещала ему Одили. Но даже не бывая в Пальме, он знал о нем достаточно: там были высокие толстые стены, и располагался он на стрелке реки Аманзи. И он понимал, что генерал Отобонг говорил правду.

У них не было военной силы, чтобы вырвать столицу из хватки Одили. Это было невозможно без увеличения численности солдат. Для этого требовалось призвать большую часть всех Ихагу и Ихаше, оставшихся на полуострове.

Насколько знал Тау, королева имела право это сделать. Она могла приказывать феодам прислать ей своих бойцов, но если какие-нибудь умбуси хоть отчасти были бы похожи на мать Джабари, они не приняли бы благосклонно приказ, который оставлял их без защиты собственных солдат. Но хуже всего, если они решат, что лучше им не подчиняться, это еще и ослабит Циору. Правитель, чьим приказам не подчиняются, не может сохранить власть надолго.

– Моя королева, боюсь, я изложил свою позицию недостаточно ясно, – сказал Отобонг. – Прошу, позвольте мне объяснить.

– Да, не могли бы вы объяснить, генерал? – попросила Циора, холодно улыбнувшись. – Здесь действительно очень много нюансов.

Если Отобонг снова заведет речь о помиловании Одили, Тау был готов первым выпустить ему кишки, но учитывая тон королевы, он чувствовал, что генерал и так был в опасности, и ему даже захотелось его предостеречь.

– Разумеется, моя королева, – сказал Отобонг, кивнув с таким рвением, что у него щелкнули зубы. – Видите ли, мы не можем взять столицу осадой. У нас нет достаточного числа воинов, но если бы и были, то не было бы времени. До окончания перемирия с хедени осталось меньше лунного цикла, и если к тому времени все наши силы не будут объединены, нас разгромят.

– Спасибо, генерал. Это очень полезное мнение, – сказала Циора. – Полезное, но неверное.

– Неверное? Э-э, отчего же... ваше величество?

– Нам не нужно осаждать столицу, – сказала она. – Когда мы придем, ворота будут для нас открыты.

Отобонг прищурился, пытаясь понять, к чему вела королева.

– Осмелюсь заметить, ваше величество, я не думаю, что Одили сдаст вам город и свою жизнь. Независимо от того, сколько раз вы прикажете ему это сделать.

– Нас не волнует, что будет Одили делать и чего не будет. У нас в Пальме есть агенты. Они и откроют нам ворота, когда мы придем.

При этих словах Тау сильнее сжал рукояти мечей. У королевы все-таки был доступ в город, а это означало, что им предстоит бой с Одили.

Генерал Отобонг покачал головой и заговорил еще медленнее, произнося каждое слово так, словно эмпирийский не был для королевы родным языком.

– Моя королева, я вынужден поверить вам на слово касательно этих агентов, но даже в этом случае вы просите нас пойти на слишком высокий риск. У нас есть лишь небольшое число Ихагу, несколько Ихаше, немного посвященных из цитадели и несколько верных Индлову, которые пережили вторжение. Вместе они составляют одного боевого дракона, но они только-только оправились после тяжелой битвы. Мы едва ли можем сейчас их мобилизовать, выйти в Пальм и победить в этом сражении, даже если ворота будут открыты.

– Вы сами начали хвастать своими способностями, – заметила Циора. – Мы вам сказали, что ворота будут открыты. Где же ваша вера, генерал?

– Я не хвастал, и вера во мне есть, моя королева. Во мне есть вера, что если мы поступим правильным образом, мы сумеем вновь объединить наш народ и выжить, но это не значит, что нам следует вступать в бой с Одили, по крайней мере в нашем положении, – сказал он. – У него слишком много Индлову и Ингоньяма. И как минимум вдвое больше Одаренных, чем у нас. И видит Богиня, Ихаше и Ихагу в Пальме не поймут нашего конфликта и, скорее всего, также станут сражаться на его стороне. – Отобонг повернулся всем телом так, чтобы вовлечь в дискуссию и Мирембе с остальными членами совета. – Чтобы победить в этом сражении, нам нужно больше солдат, но у нас нет времени, чтобы их собрать. Я хочу сказать, что если мы намерены продержаться еще какое-то время, нам необходимо покончить с этим мятежом в считанные дни. Не больше.

Мирембе хлопнула в ладоши, привлекая внимание всех присутствующих.

– Тогда что мы можем сделать, генерал? – спросила она. – Как поступить, чтобы выжить?

– Как я уже сказал. Нужно найти компромисс с Одили и... э-э... и принцессой Эси.

– Это ваше решение? – спросила Мирембе. – Решение Совета Стражи?

– Да, – подтвердил Отобонг.

– Нет. Абаси Одили предал нас, – сказала королева Циора. – Он пытался нас убить.

Мирембе кивнула, приложила руку к груди и закрыла глаза, словно молилась.

– Его действия причиняют боль нам всем. Они пятнают как его честь, так и историю нашего народа. – Она открыла глаза, сфокусировав их на Циоре. – Но это не меняет ни тех фактов, которые описал генерал, ни решения, которое он принял. А также решения, которое должны принять мы в Правящем Совете.

– Вы действительно этого хотите? – спросила Циора. – Хотите его простить и забыть о предательстве?

– Моя королева, мы несем ответственность не только за самих себя, – сказала Мирембе, – и чтобы выполнить свой долг перед теми, кого ведем за собой, мы должны простить и забыть, иначе все погибнут.

Кто-то у Тау за спиной прочистил горло. Это был Хадит, и хотя он смутился, когда все лица в зале обратились к нему, он не растерялся под пристальными взглядами старших.

Тау стоял рядом с Ньей и видел, как она подала знак Циоре. Визирь не хотела давать слово Хадиту, но желания Нья было недостаточно. Относительно члена Совета Стражи Абаси Одили Тау и королева были единомышленны. Они не могли забыть и никогда бы не простили.

– Ихаше, – обратилась королева Циора к Хадиту. – Вам есть, что сказать?

ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВО

– Возможно, есть способ оттянуть атаку ксиддинов до тех пор, пока мы не соберем силы, необходимые, чтобы занять Пальм, – сказал Хадит, – но если не удастся, ксиддины мгновенно обрушат на нас всю свою мощь.

Отобонг втянул воздух сквозь зубы и отступил от Хадита, словно даже запах Ихаше оскорблял его.

– Ты предлагаешь саморазрушение? – спросил он и повернулся к женщинам в совете. – Может быть, нам спросить еще мнения лошадей в конюшнях?

– Генерал, – сказала королева Циора, – мы позволили этому Ихаше говорить.

Казалось, Отобонг ждал, что Мирембе что-то на это ответит. Когда она этого не сделала, он нахмурился.

– Разумеется, моя королева. Почему бы не послушать? У нас полно времени.

Циора, казалось, была готова на это ответить, однако следующие ее слова прозвучали мягко и предназначались Хадиту.

– Продолжай, Ихаше. Опиши путь, который видишь.

– Они еще не ушли, – сказал Хадит. – Ксиддины наверняка переждут бурю, прежде чем отплыть, а это значит, они еще на наших берегах. – Снаружи, словно подтверждая его слова, прогремел гром. – За Кулаком есть всего три пляжа, где ксиддины могли разместить столько налетчиков, сколько у них есть. Если мы разделим наших людей на три зубца, мы сможем...

– Моя королева, – перебил Отобонг, – прошу меня извинить, но должны ли мы слушать этот бред? Я не шучу, уж лучше бы было лошадей выслушать.

– Генерал, – оборвала его Циора.

– Меньший предлагает напасть на хедени, – сказал генерал. – Отменить перемирие, напад из засады на превосходящую нас силу. К чему трудиться, когда мы можем хоть сейчас сами перерезать себе глотки?

– Ихаше? – обратилась Циора к Хадиту.

Она хотела получить ответы на вопросы, поднятые генералом. Тау опасался, что никакого вопроса здесь вовсе не было.

– Нам не нужно убивать всех, – сказал Хадит.

Отобонг рассмеялся.

– О, это намного облегчает задачу, мы ведь все равно этого не можем.

– Нам просто нужно убить вождя.

– Хорошая мысль, Меньший, – сказал Отобонг. – Значит, не будем драться с остальными хедени. Просто пройдем мимо них и сразу нападём на вождя.

Хадит начинал злиться. Выражение его лица оставалось прежним, но Тау знал его достаточно хорошо, чтобы это видеть.

– Мы можем дождаться, пока большинство ксиддинов покинут наш берег, и тогда напасть, – сказал Хадит.

– Разумеется, можем, – сказал Отобонг. – У нас хватает бойцов, чтобы превзойти числом вместимость одного корабля. Наши люди могут заплывать в Ревы с клинками в зубах, чтобы напасть на вождя Ачака, когда он будет в лодке. – Он ухмыльнулся своим Индлову. – Теперь-то я понимаю, да.

– Нет, не понимаете, – сказал Хадит, заслужив острый взгляд Великого Вельможи. – Вождь – военный правитель ксиддин, и судя по всему, правитель хороший. Он останется на берегу, когда большая часть его бойцов отчалит. Мы сможем напасть, когда на нашей земле останется слишком мало ксиддинов, чтобы нас остановить.

– Зачем, во имя Богини, вождю оставаться на берегу, когда его воины покинут берег?

– По той же причине, по которой у ксиддинов женщины воюют наравне с мужчинами, – ответил Хадит генералу.

Отобонг отмахнулся от такого объяснения.

– Это потому, что только так они могут выставить достаточно воинов, чтобы нас превзойти.

– Это потому, что они считают друг друга равными, – возразил Хадит. – Женщины, мужчины, солдаты и правители – считается, что жизнь каждого обладает равной ценностью и у каждого равные способности.

Отобонг прищурился.

– Ты у нас кто, из касты Правителей? – спросил он, сверкнув глазами на Тау. – Ты пытаешься сказать, что простой Низший Мирянин столь же талантлив в распределении финансов феода, как ты? Пойми, ты держишь тупой меч за лезвие и называешь его рукояткой. Дикари незатейливы, но даже они знают, что жизнь вождя, с его знанием их численности, стратегии и тактики, превосходит жизнь солдата. Он будет под защитой.

– Вы кое в чем правы, – ответил Хадит. – Ксиддины его защитят, но я говорю о том, что в данном случае они будут вести себя скорее как Меньшие, чем как Вельможи.

Отобонг с улыбкой широко развел руками.

– Разве они не всегда себя так ведут? – спросил он.

Хадит повернулся к Тау.

– Чемпион, – сказал он, – снаружи бушует буря, и корабли не могут выйти в Ревы. Когда же буря утихнет и ксиддины взойдут на свои суда, где бы вы находились, как их правитель?

Тау сказал правду.

– На берегу. Если я подвел своих людей под угрозу, я должен убедиться, что они выбрались.

Скользнув взглядом от генерала к королеве, Хадит склонил голову, обращаясь как бы к ним обоим.

– Разве в истинном предводительстве, по его сути, заключается что-либо сложное? – спросил он.

Тау не видел реакции королевы. Он был слишком занят тем, что наблюдал за приближением Отобонга к Хадиту.

– Я здесь, Меньший, – сказал генерал. – Если хочешь что-то мне сказать, имей смелость сделать это открыто.

Хадит немного отступил назад, встретив взгляд Отобонга.

– Когда буря закончится и ксиддины начнут покидать наши берега, мы знаем, что они будут это делать несколькими группами. Только это даст им уверенность, что весь их флот не будет потоплен одной блуждающей волной. – Хадит повернулся к королеве. – Думаю, вождь покинет сушу в одной из последних групп, и это как раз дает нам шанс.

– Ты так думаешь? – спросил Отобонг. – Правда?

– Я уверен в этом настолько, насколько вообще можно быть уверенным относительно чего-то, что еще не случилось, – твердо ответил Хадит. – И я не говорю, что пробиться к нему будет так уж легко. Все бойцы из группы вождя еще будут на берегу. Как вы и упомянули, ксиддины не могут отрицать, что Ачак важен, и его будут защищать, но нам не придется столкнуться со всем их войском сразу. – Генерал выглядел сомневающимся, но Хадит не сдавался. – Прошу, лучшего шанса у нас не будет.

Отобонг подошел к Хадиту вплотную.

– Ты говоришь, что понимаешь нашего врага, потому что больше похож на него, чем я, и с этим я не стану спорить. С другой стороны, я нахожу отвратительным сам факт того, что ты используешь столь низменную общность как основание, чтобы давать совет нашему монарху.

Слезы Богини, ты просишь свою королеву нарушить клятву. Меньший, у тебя что, нет даже чести Батрака?

Хадит выпрямился во весь рост, достав Отобонгу лишь до шеи.

– Если сделаете, как я прошу, вождь Ачак никогда не покинет наш полуостров. Он погибнет здесь, и его смерть приведет ксиддин в хаос.

– Я не стану так поступать, – ответил Отобонг. – Я не стану слушать планов о том, чтобы ударить врага в спину, нарушив обещание, когда нам следует думать об Одили и Пальме.

– Одили сидит за высокими стенами укрепленного города, полного Индлову, Ихаше и Одаренных, – сказал Хадит. – У нас нет сил, чтобы взять его без подкрепления из феонов, а получить такое подкрепление до того, как ксиддины вернутся, мы не успеем. Вы ведь сами это сказали, не так ли?

Слово взяла председатель Мирембе:

– И именно поэтому нам следует примириться с Одили.

– Никакого примирения не будет. – Слова сорвались с губ Тау, прежде чем он успел их сдержать.

– Чемпион, – предостерегающе осадила его Нья.

– Чемпион... – Мирембе произнесла это слово, склонив голову набок с таким видом, словно никогда прежде не находила повода его произнести. – Вы желаете что-то добавить?

– Одили предатель. И он умрет смертью предателя, – сказал Тау.

– Неужели? Но разве это должна решать не ваша королева? – спросила Мирембе. – Разве это решение не относится к полномочиям той, кому вы принесли клятву – королевы и ее советов?

Ей ответила Циора, и ее слова помогли Тау успокоиться.

– Абаси Одили учинил заговор и сверг наше королевство в состояние гражданской войны. Его преступления заслуживают лишь одного ответа.

– И в лучшие времена он получил бы ровно то, что вы предполагаете, – сказала Мирембе. – Но, ваше величество, мы не обладаем роскошью лучших времен. Мы должны поступать так, как всегда поступали Вельможи. Мы должны разрешить наши внутренние разногласия мирно, чтобы затем противостоять врагам со всей мощью нашей бронзы и огня.

Тау не верил в то, что слышал.

– Разногласия? – переспросил он. – Одили пытался убить нашу королеву, и многих других больше нет в живых по его вине. Он убийца, и его не ждет ничего, кроме правосудия.

– Как ты смеешь, – вмешался Отобонг. – Ты говоришь о Придворном Вельможе!

Тау видел, к чему все шло. Они не собирались слушать. Они все уже спланировали. Новый Правящий Совет и Совет Стражи намеревались проголосовать против мнения королевы и приветствовать Одили с распростертыми объятиями, а Одили был готов их принять. Он не мог отказаться, иначе он сам, как и все остальные, пал бы при атаке ксиддинов.

Затем, как только восстание завершится, Одили будет помилован, и эти Великие Вельможи сохраняют свои места в совете. Тау не знал, каким образом Вельможа мог перейти в высшую касту, но если такой способ существовал, то Тау предполагал, что это был один из них.

– Вы предлагаете сохранить Абаси Одили жизнь, – сказал он, кладя руку на рукоять одного из мечей. – Но пока я сам жив, этому не бывать.

Нья встала между ними.

– Прекратите. Оба, – сказала она и, не дав им времени ответить, повернулась к Циоре: – Моя королева, мы можем прерваться? Подобные вопросы лучше обсуждать при свете дня, и...

– Ты кладешь руку на меч, стоя в зале совета с нашей королевой, – сказал Отобонг Тау, возвышаясь над ним. – В тебе вежливости меньше, чем у иньоки.

– О, вы хотите, чтобы я был вежлив? – ответил Тау великану. – Хотите, чтобы я изображал Вельможу, когда сами меня таковым не считаете. Вот так, да?

– Ты о чем это говоришь?

– Я могу улыбаться и вести беседы слаще тростникового сахара. Я могу следовать каждому вашему правилу, но таким, как вы, этого всегда будет мало, потому что такие, как вы, не видят во мне человека, – сказал Тау, вынимая из ножен клинок из черной драконьей чешуи на длину ладони.

– Это существо что, с ума сошло? – пробормотал Отобонг, пятясь назад.

– Генерал, вы говорите с нашим чемпионом, – напомнила королева.

Отобонгу потребовалось время, чтобы смириться, но он все же склонил голову в знак почтения.

– Разумеется. Он ваш чемпион. Прошу прощения, моя королева.

Тау знал, что должно было последовать далее. Он знал, что была его очередь извиняться, чтобы они смогли дальше притворяться Вельможами, но Тау не был Вельможей. Ему бы никогда не позволили им стать, да он и не был уверен, что это ему было нужно. Поэтому, не сводя глаз с генерала, он положил и вторую руку на клинок.

– Мне не нужны титулы, чтобы защищаться, – сказал он. – Я сам могу это сделать.

Отобонг раздул ноздри, и королева повысила голос.

– Заседание окончено, – сказала она. – Мирембе, если вы намерены образовать новый Правящий Совет, мы обсудим это в другой раз. Пока же мы уйдем, чтобы обдумать предложение.

Тау скользнул взглядом по Мирембе. Самопровозглашенная председатель выглядела так, будто съела что-то кислое, а потом заметила его взгляд.

– Моя королева, – сказала она, – можно последний совет?

– Если вам так хочется, Мирембе, – сказала Циора.

– Нравится нам это или нет, нам следует поговорить с членом Совета Стражи Одили. Мы *должны* попытаться все уладить без пролития крови омехи.

Ни один мускул не дрогнул на лице Циоры.

– Это все?

– Почти, – сказала Мирембе, окинув Тау взглядом с ног до головы. – Но я должна спросить: не будет ли для нашей королевы лучшим такой выбор чемпиона, как Келлан Окар?

– Как председатель вновь сформированного Совета Стражи, – сказал Отобонг, – я бы хотел поддержать мнение председателя Правящего Совета. Действительно, Окар и Одили хорошо знакомы... и...

Лезвия мечей Тау коснулись шеи Отобонга и кожаного доспеха на его спине. Драконья чешуя призвала генерала к молчанию.

– Вор, – процедил Тау. – Я тебя предупреждал. Ты не украдешь у меня Одили.

– Чемпион, – раздался голос королевы.

– Я добьюсь справедливости, – сказал Тау, прижимая лезвия мечей к коже генерала. Одиннадцать Индлову в зале вскочили и выхватили оружие.

– Королева Циора, похоже, вам следует серьезно рассмотреть предложение о смене чемпиона, – сказала Мирембе, отбросив бесстрастность. Повысив голос, она обратилась к Тау:

– Спрячь оружие, ты, букашка!

– Чемпион Соларин, мы не отдавали приказа убить генерала, – сказала королева.

– Так нельзя, – прошептал Хадит. – Брось, Тау.

Стараясь восстановить дыхание, Тау переводил взгляд с одного лица на другое: увидел Хадита, Нью и, наконец, свою королеву. Он сделал шаг назад и отнял лезвия мечей от генерала.

Когда опасность миновала, Отобонг потрогал окровавленную шею и потрясенно взглянул на алые пятна на пальцах.

– Ты пролил мою кровь!

Мечи стражи были чрезвычайно острыми, и Тау еще не привык к этому.

– Ты на меня напал?! – воскликнул Отобонг. – Ты на меня напал!

– Генерал Отобонг, – вмешалась Нья, стараясь взять ситуацию под контроль. – Вы действительно думали, что можете осыпать других оскорблениями и не получить никаких...

– Нет! – вскричал генерал. – Это зашло слишком далеко! Этому грязному человечешке непозволительно даже приближаться к драконьей чешуе, не то что владеть ею! – Генерал перевел взгляд на королеву. – Королева Циора, ответьте, вы вот так собираетесь править? Проливая кровь тех, кто вам верен, и нарушая обещанные перемирия? Я-то думал, вы хотите мира. Почему же вы готовы предложить его нашим врагам, но не таким же, как вы, мужчинам и женщинам?

– Генерал, – предостерегающе вмешалась Нья, но Отобонг не собирался останавливаться.

– Хотелось бы знать, правда ли, что при вашем правлении Меньшие будут стоять выше тех, кто их превосходит?

Первой ответила Нья:

– Есть только один Меньший, которого королева возвысила! И он стал чемпионом благодаря собственным заслугам. Королева Циора не собирается...

Королева заставила визиря умолкнуть.

– Мы поступаем так, как велит Богиня, и не смейте в этом сомневаться.

Отобонг кивнул:

– В таком случае надо думать, что они и впредь будут присутствовать на собраниях, да? И нашептывать вам на ухо? Подрывая авторитет ваших Вельмож? – Он хмыкнул. – Королева Циора, я понимаю, что вам не удалось сойтись с дикарем, но это не значит, что вам следует возместить это с Меньшим.

– Генерал! – воскликнула Нья, взмахнув рукою.

Отобонг уставился на нее.

– Что, тоже нападете на меня, визирь? Неужели тоже унизите Вельмозу? – Он облизнул нижнюю губу и скривил рот так, словно готовился плюнуть. – Во что мы превратились?!

Тау знал королеву вдесятеро меньше, чем знал ее Хадит, но сейчас это не имело значения. Он не сомневался, что она ужасно разгневана, и по какой-то странной причине ее ярость немного его успокоила. Он словно бы понял, что если они оба рассержены, это добром не кончится.

– Извинитесь перед нами, генерал Отобонг, – сказала королева тоном, похожим на только что заточенный клинок.

– Просить прощения? – переспросил генерал.

– Извинитесь, пока у вас есть возможность сделать выбор самому, – сказала она.

– Со всем уважением, моя королева, – сказал Отобонг, – мне хотелось бы говорить, насколько возможно, честно, пока слова еще имеют хоть какое-то значение. Вы слишком молоды, чтобы видеть, куда это нас заведет. – Он посмотрел на Тау. – Этого человека, которого я по-вашему должен называть чемпионом, следовало бы повесить за то, что хотя бы показал лезвие в моем присутствии, и если спустить это оскорбление ему с рук, мы двинемся в направлении, которое в конечном счете перевернет весь естественный порядок с ног на голову.

– Моя королева, – продолжил он, – какие бы опасные битвы не ждали нас впереди, если мы позволим нарушать границы приличий и общественного поведения, то очень скоро лишимся всего, чего достигли омехи как народ. А когда это случится, то уже неважно – от рук врага или от своих собственных – мы погибнем.

Циора молчала. В зале повисла тишина.

Отобонг указал на Хадита.

– А что нашептывает этот Меньший своим раздвоенным языком? – Он повернулся к Мирембе и Правящему Совету. – Нашу королеву окружают низменные и убогие. Разве это может сулить что-либо, кроме дурного влияния? – спросил он, еще на шаг отступая от Тау и

оказываясь вне досягаемости его мечей, после чего одиннадцать Индлову тотчас встали между ними. – Моя королева, – продолжил он, – меня беспокоит, что вы так легко готовы отринуть не только советы ваших генералов и советников, но даже собственное обещание мира.

Королева сурово взглянула на него.

– Вы закончили, генерал?

Отобонг стиснул зубы, но сдержался и промолчал.

– Ксиддинский шул и сотни тысяч воинов потеряли жизни в драконьем пламени, – напонила королева Циора. – Тогда не стало и мира. Он сгорел в огне, который зажег предатель Абаси Одили.

Отобонг снова коснулся своей окровавленной шеи и повернулся к председателю Правящего Совета.

– Я пытался, Мирембе, – сказал он. – Видит Богиня, пытался, но я не могу участвовать в том, чего она хочет.

– Вы желаете отказаться от своих обязанностей? – спросила его Нья.

– О, это обсуждать уже слишком поздно, – сказала королева.

Услышав это, Отобонг распахнул глаза.

– Я понимаю, генерал, – сказала Мирембе, – и после всего, что я сегодня услышала, я склонна согласиться. – Она демонстративно посмотрела направо и налево – на женщин, сидевших по обе стороны от нее. – Правящий Совет также согласен.

Тау не вполне понимал, что происходит, но видел, что зрачки Циоры резко сузились, и внутренне приготовился.

– Мы предостерегаем тебя, Мирембе, – сказала королева, – не вставайте на этот путь. Вам не понравится, куда он заведет, и мы уверяем, что обратной дороги не будет.

– Королева Циора, мы не можем начать осаду Пальма прежде, чем на нас нападут хедени, потому что без его поддержки мы их атаку не переживем. Спасете ли вы свой народ, договорившись с членом Совета Стражи Абаси Одили?

Тау напрягся.

– Нет, – ответила Циора.

Мирембе моргнула и откинулась назад. Уголки ее губ запорхали вверх-вниз, прежде чем замереть в улыбке.

– Генерал Отобонг, как председатель Правящего Совета, я призываю вас исполнить свой долг и уберечь наш народ и монарха от зла. Разделите королеву Циору с визирем и этими Меньшими.

Генерал кивнул, но Мирембе продолжила:

– Индлову, королевская стража, проводите королеву в ее покои, а если кто-то из Меньших попытается вам воспрепятствовать, убейте их.

Индлову обнажили мечи, одиннадцать бронзовых клинков отразились в свете факелов. И хотя Циора имела все основания испугаться, Тау чувствовал, что от нее исходит лишь ярость.

Отобонг повернулся к Келлану.

– Окар, отойдите от них.

Келлан поднял руки, сжал кулаки и придвинулся ближе к братьям Тау по оружию, встав перед Одаренной Танди.

– Не думаю, что это возможно, генерал.

Отобонг задумался, фыркнул и отвернулся.

– Жаль и вас терять вместе с ними, – сказал он.

Тау подумал, что грань между жизнью и смертью неумолимо сокращается.

Он видел, как безоружный Келлан напрягся, приготовившись к бою, в котором не мог победить. Удуак рядом с ним глубоко дышал, широко расставив ноги. Наполовину скрытый в

тени здоровяк Яу переводил взгляд с Индлову на Индлову, и впереди всех хмурился Хадит – словно дурной исход был для него ожидаемым.

Шансы были не в их пользу, и поскольку его братьев подняли с постелей, чтобы привести сюда, Тау оказался единственным, кто был вооружен. Не помогало и то, что его ребра не успели как следует зажить, а три пальца на правой руке были сломаны, и он не мог крепко держать оружие. Кроме того, он не был уверен, встанет ли королевская стража на сторону королевы, которую поклялась защищать. Или выберет генерала, который предложил им жизнь, которая, вероятно, продлится дольше, чем следующие несколько мгновений.

Кто-то рассмеялся, и смех в такой ситуации показался Тау странным. Это был Темба. Ихаше, широко ухмыляясь, подмигнул Тау и скрестил руки на груди.

Казалось, тот, кто когда-то сомневался в способности Тау выстоять против нескольких Индлову, теперь был уверен, что ему по силам победить их группу из одиннадцати человек. Или пятнадцати, если королевская стража тоже вступится за генерала.

– Взять их, – приказал Отобонг, и его люди бросились вперед.

«Шансы невелики», – подумал Тау, атакуя Индлову, которому не повезло оказаться между ним и его целью.

ШАНСЫ

Индлову был быстр. У него был один меч и не было щита, однако он блокировал удар, который Тау нанес со слабой стороны, а затем и с сильной. Но третью атаку отбить он не смог. Великий Вельможа слишком поздно выставил лезвие для блока, и меч Тау вонзился ему в горло.

Тау не видел, как враг упал. Он пронесся мимо умирающего, как только вытащил меч из шеи Индлову.

– Убить его! – воскликнул Отобонг, брызгая слюной.

Генерал мог и не отдавать приказа, потому что остальные Индлову уже бросились его выполнять. Тау пришлось проскочить мимо ближайшего из них и оттолкнуть его плечом, отчаянно надеясь, что Хадит был прав, и отрезать голову иньоке было достаточно, чтобы она не причинила никому вреда. Ему нужно было добраться до председателя и заставить ее отозвать Индлову.

Между ними оказался Отобонг, и его меч уже обрушивался на голову Тау. Это была хорошо рассчитанная, но слишком очевидная атака. Тау ее предвидел и пригнулся, так что свирепый удар Отобонга рассек лишь воздух, заставив генерала потерять равновесие. Желая оборвать жизнь Великого Вельможи, Тау пошел в контратаку, но то, во что превратился Отобонг, вынудило его замереть на месте.

На месте Отобонга возник двурукий демон с вздувшейся, как у клеща, кожей. Существо стояло к Тау спиной, но стремительно развернулось, целясь когтистой лапой ему в лицо. Резко остановившись, чтобы прогнать видение, Тау постарался увернуться от атаки и удержаться за реальность. Но не в силах сделать то и другое одновременно, он почувствовал укус бронзы: коготь рассек нагрудный доспех. От удара Тау повело в сторону, но он сумел сохранить равновесие, позволив инерции прокружить себя, и оказался лицом к противнику.

На этот раз перед ним был Отобонг, а вовсе не чудовище. Демон исчез, и генерал еще перегруппировывался после того, как рассек воздух перед Тау так сильно, что при успехе с легкостью разрубил бы его надвое. Когда Отобонг выпрямился, Тау вдохнул задымленный воздух и посмотрел вниз. С его брони свисала полоска кожи, а грудь была опалена и рассечена неглубоким порезом. Миг, когда его одолевало видение, едва не стоил ему жизни.

Взревев, Отобонг снова пошел в атаку и наотмашь замахнулся мечом. Тау парировал удар, пошатнувшись от его силы, но все же прервав нападение. Отобонг, не колеблясь, отвел

лезвие и отступил на шаг, ища подступ к Тау вне радиуса поражения. Но прежде чем он успел это сделать, Тау завершил бой.

Собрав всю силу, которую мог применить в ближнем бою, Тау задействовал свои мечи-близнецы. Но вся сила ему и не требовалась. Лезвия были сделаны из драконьей чешуи и когда клинок, который он держал в левой руке, обрушился на меч Отобонга, правый отсек рабочую руку генерала, словно это был стебель сухого тростника.

Плоть Отобонга поддалась легко. Она разошлась, обнажив мышцы, сухожилия и две толстые кости, из которых состояло его предплечье. Драконья чешуя рассекла обе кости, и рука Отобонга с мечом упала на пол в лужу крови. Генерал запрокинул голову в крике, взыв от боли, и его вопль эхом разнесся по залу совета, поднявшись от пола к своду.

Тау, не теряя времени, подскочил, готовый схватить Мирембе или защищаться от других Индлову, но Индлову не нападали. Они в ужасе смотрели на Отобонга и то, что лежало на полу перед ним.

Генерал стоял на коленях и уцелевшей рукой пытался сжать кулю, из которой хлестала кровь. Рядом на полу валялся меч, и его лезвие было расколото надвое. Мечи Тау из драконьей чешуи разрубили лезвие Отобонга не хуже, чем его предплечье. То и другое были полностью уничтожены.

Тау уловил движение, когда один из Индлову перевел взгляд с генерала на него. Остальные тоже постепенно отходили от потрясения. Тау знал, что пауза не продлится долго, и повернулся к председателю, чтобы броситься на нее. Он успел сделать два шага, прежде чем она обрела над ним контроль.

Он словно наткнулся на стену из ножей. Чувствовал себя так, будто его тело разорвали на куски, а потом стремительно собрали обратно. Тау закричал бы, если бы только мог шевелить губами. Но он едва был способен дышать, и хотя он не испытывал ничего подобного прежде, он достаточно знал о драконах, чтобы понять, что происходит. В отчаянии, он погрузился в Исихого.

Его окутала серая мгла, он услышал завывание ветра, а перед ним – там, где прежде стояла председатель – колыхалась неразличимая фигура в черной матовой маске Одаренной.

– Вот так ты умрешь, Меньший, – произнесла женщина, скрытая покровом. Ее слова терялись в нескончаемой буре темного мира.

– Вы станете увещевать человека? – спросил Тау.

Она расхохоталась.

– Низшие Миряне теперь считают себя людьми?

И хотя ему было больно даже мысленно произносить ее имя, Тау поблагодарил Зури за ее уроки.

– Тогда мы умрем вместе, – сказал он, находя узы, которые связывали его душу с душой женщины, с такой легкостью, словно они были материальными. Он представил, как хватает их, наматывает вокруг своих предплечий и с их помощью удерживает ее так же крепко, как она держала его. – Я не отпущу вас отсюда, а когда ваш покров спадет, мы встретим демонов вместе.

Повисла пауза. Он застал ее врасплох. Она не ожидала, что он знает, что Одаренные не увещевают разумных существ именно по этой причине. Потому что узы увещевания работают в обе стороны.

– Тебе не хватит времени, – сказала она. – В Умлабе мой Индлову срубит тебе голову с плеч, и я скормлю ее скорпионам в каменных садах.

Тау воспротивился ее контролю, попытался вырваться, ища слабое место или надеясь поскорее истощить ее силы. Он видел, как дрогнул ее покров от его усилий.

Но он также видел – при всей разнице во времени между Исихого и Умлабой, – что ему нечего было и надеяться сорвать с нее покров раньше, чем его убьет Индлову.

Он стал сражаться еще яростнее. Она рассмеялась, и та его часть, что оставалась в реальном мире, услышала, как председатель отдает приказ Индлову.

– Убить... Мирянина, – проговорила она медленно, низким голосом, словно кто-то полил эти мгновения сиропом и растянул, как густой липкий сок ежевики в горах Керема.

Тогда он почувствовал ее – какой-то частью своего сознания, разума или воли. Почувствовал, как она просачивается сквозь его плоть. Он чувствовал ее в своих сломанных пальцах, в шее и лице. Она была совсем близко, эта превосходившая его сущность, которая держала его, душила и обдавала своим зловонным дыханием. Она вынудила его разжать руки, палец за пальцем, и в мире, бесконечно далеком от обволакивающей его мглы, Тау услышал, как его мечи упали на пол.

– Да, – прошептала она совсем рядом, коснувшись его уха влажными губами. – Вот так все закончится для тебя, уродец. Вот так всегда все и заканчивается для тех, кто надеется встать выше более достойных.

Она вошла глубже в его настоящее тело – то, что осталось в Умлабе. Заставила просунуть язык между зубами и прикусить его.

– Как смеешь ты ко мне обращаться, – сказала она. – У тебя нет на это права.

Тау сопротивлялся ее контролю, но она была слишком сильна. Он чувствовал вкус крови – его зубы все крепче прикусывали язык.

– Как смеешь ты, – повторила она, когда кровь стала заполнять его рот.

Он пытался закричать, пытался двинуться с места. Пытался звать на помощь, но мог только удерживать ее душу, пока Индлову шел, чтобы забрать его жизнь. Он мог только ждать, пока все закончится, но вдруг почувствовал, как его сжали.

На одно болезненное мгновение Тау подумал, что это и была смерть. Подумал, что либо его убил Индлову, либо председатель что-то сделала с помощью своей силы. Но она удивленно вскрикнула, и он понял: за ними явилось что-то иное.

– Мирембе! – раздался сильный голос.

Тау не отпускал уз, и в Исихого, где чувствовал себя свободнее, сумел повернуть голову. Позади него расплзалась тьма, которая была темнее самой черной ночи, и сквозь столь плотную завесу Тау не мог различить человека, который за нею скрывался. Но все равно знал, кто там.

– Мирембе, ты переступила черту, – сказала его королева.

– Циора? – прошептала Мирембе, и Тау услышал ее лишь потому, что она держала его в своих оковах. Ее голос буквально звучал в его голове. – Это правда? – спросила она, и он почувствовал страх Мирембе, словно свой собственный. – Слезы Богини... это правда?

Мирембе поддалась страху, и путы, державшие Тау, ослабли. Но прежде чем Тау успел высвободиться, черный шар рядом с ним качнулся вперед и испустил ослепительную молнию, ударившую в председателя. Мирембе попыталась отпрянуть, но молния ширилась, становясь слишком большой, чтобы ее можно было избежать. Она ударила в Мирембе, и все вокруг взорвалось. Отброшенный взрывом, Тау потерял сознание: оно лопнуло, как огромный пузырь, и отбросило его в небытие.

Когда он вновь пришел в себя и понял, что цел, Тау обнаружил себя стоящим на четвереньках в зале совета. Он выплюнул сгусток крови, благодарный за то, что его язык еще шевелился во рту, но даже это несложное движение потребовало от него напряжения всех сил. Голова, казалось, была заполнена сотней зазубренных кинжалов, и когда он поднял глаза, его пронзила такая боль, словно хирург глубоко вонзил в него свой скальпель.

У противоположной стены зала лежала Мирембе. Упавшая со стула и распростертая на полу, она стонала в полубессознательном состоянии.

Тау захрипел, пытаясь подняться на ноги. Она была у него в голове, ее маслянистая хватка скользила по нему и пачкала его душу. Она держала его, беспомощного, использовала

его, и за это он собирался ее убить. Он встал на одно колено, почувствовал чужое присутствие рядом и резко повернул голову, чтобы увидеть, кто это был.

Над ним, с мечом на изготовку, стоял Индлову, и Тау напряг мышцы, чтобы пригнуться, но заметил, что тот держал клинок в оборонной позиции. Великий Вельможа противостоял двум королевским стражникам.

Еще четверо Индлову лежали на полу, несомненно, сраженные Танди, чьи руки тянулись к ним. Остальные пятеро стояли перед чешуем Тау, двумя королевскими стражниками и Ньей, чьи руки также были наготове.

Тау присел на корточки. Он оценил шансы неверно. Его чешуй, может, и был безоружен, но его сопровождали три Одаренные.

– Сжальтесь, моя королева, – взмолилась одна из женщин, членов совета. – Мы у вас в руках.

– Нет! – воскликнул Отобонг, кривясь от боли в обрубке руки. – Не делайте этого. Ей нечего предложить. Она...

Келлан похлопал генерала тыльной стороной ладони.

– Генерал, вам следует отступить.

Один из Индлову вскинул меч, но та же женщина из совета закричала:

– Индлову, не смейте! Королева Циора, это должно закончиться.

– И закончится, – сказала королева. – Сложите оружие, и никто из вас не пострадает.

– Не... не делайте этого, – прохрипел Отобонг разбитыми губами. Слова звучали мягко, неуверенно, и, стоя на коленях в растекающейся луже собственной крови, генерал, казалось, вот-вот упадет в обморок.

– Не вынуждайте нас отказываться от милосердия, – сказала Циора, обводя взглядом Индлову.

Лязгнув бронзой по камню, люди генерала бросили мечи на пол, и братья Тау тотчас их подобрали. Хадит помог Тау подняться на ноги.

– Вельможи, генерал Отобонг, вы правы, нас ждут тяжелые времена, – сказала Циора. – Наша битва за выживание становится отчаянной, и теперь совершенно очевидно, что, если мы хотим выжить, нам необходимо искать компромиссы. Нам необходимо сражаться и жечь, как поступали прежние королевы до нас. Мы должны быть Королевой Драконов, а Королевы Драконов возглавляют собственный совет.

Отобонг вскинул голову.

– Вы? Королева Драконов? Вы считаете себя равной королеве Тайфе?

Циора взглянула на него.

– Мы с ней одной крови, – сказала она.

Генерал фыркнул.

– И мы все это время называли вашу сестру безумной.

Темба молниеносно, все с той же улыбкой на лице, занес ногу, чтобы пнуть Отобонга. Циора остановила его, вскинув руку.

– Нет, – сказала она. – Проследите за тем, чтобы генералу обработали рану, а затем посадите его в тюрьму к остальным, кто нам воспротивился. И не причиняйте им вреда: ведь мы дали им слово.

Келлан отдал честь, оттащил Тембу от генерала за тунику и дал знак Удуаку, Яу и двоим королевским стражникам, чтобы помогли ему проводить новую группу предателей.

Хадит, все еще поддерживая Тау, наклонился к нему и прошептал:

– Осторожно, Тау, постарайся, чтобы они не использовали тебя в своих целях. То, что мы делаем, должно принести пользу всем, и теперь все будет разворачиваться очень быстро.

Тау пристально смотрел на него, но взгляд Хадита был сосредоточен на королеве, и он притворился, будто вообще ничего не говорил.

– Ихаше, – обратилась королева к Хадиту, – если отрубить голову иньоке, это спасет нас от укуса?

– У этого создания много голов, моя королева, – ответил Хадит, – но отрубить нужно ту, которая выказала явное намерение укусить.

Циора склонила голову и обратилась к Келлану.

– Уведи этих предателей скорее, Келлан Окар, – сказала она. – Мы полагаем, что до конца этого долгого дня нашему чемпиону понадобятся его братья по оружию.

Циора повернулась к Тау и Хадиту, и хотя тени от прикосновения Мирембе все еще терзали Тау изнутри, он старался держаться прямо.

– Чемпион Соларин, у тебя и твоих людей было совсем немного времени для скорби и исцеления ран, и нас... нас это очень печалит, – сказала королева.

Он снова почувствовал эту странную близость. Она говорила с ним, как с близким товарищем, с которым не виделась очень давно. Она говорила так, что он почти верил: она сама испытывала боль из-за его потери. Ее глаза говорили ему, что это было правдой.

– Но время и бури не ждут ни женщин, ни королев, и перед вами стоит задача, – сказала она. – Чемпион, ты соберешь бойцов, чтобы выследить ксиддинов? Сделаешь ли ты все необходимое, чтобы залатать брешь в нашем королевстве?

– Моя королева, как я могу оставить вас после того, что произошло? – спросил Тау. – Как я смогу защитить вас, если уйду? – Он сам был удивлен тому, что так говорил, но это было совершенно искренне.

– Ты весьма любезен, но у нас есть королевская стража и мы сами не беззащитны, – ответила она, бросив взгляд на Мирембе, которая сидела, съежившись у пары стульев. – Мы будем осторожны в ожидании вашего возвращения, чемпион Соларин.

Ее ответ прозвучал мягко, но Тау почувствовал себя немного глупо оттого, что подумал, будто лишь он один стоит между королевой всех омехи и теми, кто мог желать ей зла. Но все равно часть его желала остаться с нею.

– Чемпион Соларин, я прошу тебя совершить нечто ужасное, – сказала она. – Ты отнимешь жизнь у вождя Ачака?

И он ответил королеве. И поклялся Богине.

– Не только у него, – сказал он.

Глава вторая

ХАФСА ЭКИН

Солнце еще не зашло, но Хафса Экин была уверена, что день закончится трагедией, которая уже началась и не замедлит продолжиться. Она спешила к внутреннему двору крепости, поглядывая вокруг – не встретится ли по пути кто-то, с кем можно было бы поделиться ужасными новостями. Ей сказали, что королева выйдет провожать Ихаше и Индлову на битву, но Хафса не исключала, что сначала им, возможно, придется драться прямо в крепости.

Генерал, которого она опекала, сбежал. Тот, кому она перевязала обрубленную руку и за кем она, стараясь, как могла, ухаживала все утро, бесследно исчез из лазарета. Стражники, которые его охраняли, были мертвы. Два ее лучших врача тоже погибли. Это было ужасно, непостижимо, но это было еще не все.

Хафса никогда не видела такого прежде, такое вообще мало кто видел, но она читала об этом в дневниках своего ордена, и скрюченные тела мертвецов с открытыми в беззвучном крике ртами сразу навели ее на вполне определенные мысли.

А уж когда она выяснила природу оружия, убившего стражей и врачей, ее страхи практически подтвердились.

Впадая с каждым вдохом во все большее отчаяние, она перешла с быстрого шага на бег. Хафса и торопилась, и боялась, что может оказаться в центре побоища, но еще больше она опасалась того, что уже опоздала.

Полуразрушенный двор с обожженными стенами и засыпанной землей трещиной, из которой, предположительно, появился дракон, был похож на муравейник. Солнце скрывали грозовые тучи, и брусчатка внутреннего двора крепости была скользкой от проливного дождя. День был туманным и словно бы нереальным, но по двору в организованном хаосе сновали самые разные бойцы в кожаных доспехах, серой форме и бронзовых латах.

Несколько солдат заметили ее, но у нее не было времени на жреческие приличия. Королева тоже была здесь, живая и здравствующая, и Хафсе хотелось, чтобы так было и впредь.

Рядом с королевой Циорой стояла ее визирь со своей дочерью Чибуйе. Королева сидела на корточках перед ребенком и улыбалась. Наблюдать за проявлением любви было так умиротворяюще.

Хафса никогда не хотела иметь детей, но с первых мгновений заговора в совете, когда визирь ворвалась в ее лазарет и отдала ей на попечение своего ребенка, она не могла перестать восхищаться яркой и улыбчивой Чибуйе.

Она заботилась о девочке в те дни, когда визирь непрестанно работала над восстановлением того, что разрушил советник Одили. И хотя сама Хафса была далека от того, чтобы делиться с родителями своими заботами, за время, проведенное с девочкой, она многое поняла о том, что такое воспитание детей, и чувствовала себя совершенно спокойно, зная, что Чибуйе с ней ничего не угрожает.

– Хафса! – воскликнула девочка, увидев ее.

Даже при всем ужасе и потерях этого дня от голоса Чибуйе у Хафсы поднялось настроение, и она помахала малышке, прежде чем встать на колени и склонить голову перед королевой.

– Это жрица Экин, ваше величество, – представила ее Ня, и в ее голосе отчетливо слышался вопрос: что Хафса здесь делает?

– Моя королева! – не поднимая головы, поприветствовала Хафса Циору и без промедления продолжила:

– Вам небезопасно здесь находиться.

– Объясни, – велела Ня.

– Встань, – приказала королева одновременно с визирем.

Хафса подняла голову. Ня смотрела на нее сурово, но взгляд королевы был более... мягким. Она не выглядела испуганной, но лишь потому, что пока не знала о том, что произошло.

– Стражники и двое врачей убиты. Генерал... – Хафса не знала, как сформулировать то, что хотела сказать. – Королева Циора, у меня есть причина считать, что...

Хафса едва не вскрикнула. Он возник рядом с королевой, будто из воздуха, но скорее, она просто не заметила, как он подошел. Как вообще получилось, что никто его не заметил.

Он был черен, как уголь, с бритой наголо головой и неестественно гладким лицом, если не считать страшного шрама, тянувшегося от носа к правой щеке. Это явно был Меньший, но одетый в цвета чемпиона – черно-красную кожу – и с двумя мечами по бокам.

Она, конечно, о нем слышала, и это должно было показаться нелепым: видеть Меньшего в одежде чемпиона. Но почему-то нелепо это не выглядело. Скорее пугающе.

«Его глаза», – подумала она. Что-то в них заставило ее вспыхнуть, а сердце забиться учащенно. В них было что-то такое, от чего ей хотелось бежать без оглядки.

– Моя королева, мы готовы... – Его голос прозвучал как скрежет металла по стеклу, словно изъеденный ржавчиной скальпель вонзился Хафсе в позвоночник.

– Не сейчас, чемпион, – сказала Ня.

Чемпион поморщился, и Хафса отпрянула.

– Жрица, говори быстрее, – приказала ей Ня.

– Я... я... – попыталась начать Хафса.

– Мы готовы выступить, моя королева, – настаивал он.

– Соларин! – воскликнула Ня.

Чемпион перевел взгляд с лица Хафсы на визиря, и только тогда она поняла, как сильно были напряжены мышцы ее спины и плеч.

– Ребенок? – спросил он, глядя на Чибуйе.

– Моя дочь, – ответила Ня.

Меньший... нет... чемпион изогнул бровь.

– У вас есть дочь?

– А у вас – глаза и уши, – заметила Ня. – Жрица Экин, ты говорила об опасности.

Прежде чем он успел снова посмотреть на нее, заставив растеряться, Хафса сделала вдох и выпалила:

– Генерал Отобонг бежал из лазарета. Люди, которые его охраняли, убиты, как и мои врачи.

Чемпион выхватил мечи раньше, чем Хафса успела расслышать лязг лезвий. И на этот раз она не смогла сдержать вскрика.

– Удуак, Хадит, ко мне! К королеве! – крикнул он и обвел взглядом двор, высматривая опасность.

– Это не все, – сказала Хафса, но ее голос заглушили тяжелые шаги бойцов, которые бросились к королеве. – Опасайтесь их оружия. Они используют яд.

– Там! – коротко крикнул самый крупный Меньший, какого только доводилось видеть Хафсе. Она могла бы даже принять его за Малого Вельможу, если бы не серая форма Ихаше и отсутствие избыточной мускулатуры, характерной для мужчин касты Вельмож. Давным-давно, в последний год своего обучения, она хотела написать трактат о физических различиях между Меньшими и Вельможами, но ее советник предостерег ее от этой темы, объяснив, что...

– Там, сверху!

Она проследила за пальцем Меньшего и увидела на крепостной стене солдата. Это был Индлову, который стоял, опершись локтями на ограждение крепостной стены. Он опирался, чтобы придать твердость рукам с длинной полый трубкой, из которой он целился в них. Оружия, прижатого к его губам, омехи не использовали, но Хафса сразу его узнала и поняла, что сейчас будет.

– Нет! – крикнула она, когда ассасин дунул в трубку, послав им сквозь вечерний воздух саму смерть. Мелькнули черные кожаные доспехи – чемпион заслонил королеву и успел отодвинуть Чибуе себе за спину. Хафса услышала звук вонзившегося дротика – глухой, влажный.

От этого звука, похожего на удар веслом по воде, Хафса напряглась всем телом. Но ранило не ее. Чемпион с перекошенным лицом и слезящимися глазами застонал от боли.

– Выньте дротик! – крикнула она, стыдясь облегчения, нахлынувшего на нее от того, что осталась невредимой.

В отличие от него. Он закрыл Чибуе и королеву своим телом, а Хафса, непроизвольно испугавшись, что у ассасина могло быть несколько дротиков, отскочила в сторону.

– Хадит, останься с нами, – приказал чемпион. – Удуак, останови его!

Огромный Меньший вместе с одним из Индлову помчались к лестнице, ведущей на стену. Хафса осторожно ухватила за кончик дротика, торчавшего из правого бедра чемпиона, вытащила его и бросила на землю.

Она почувствовала его взгляд, подняла голову и вздрогнула.

– Не трогайте дротик, – сказала она, отводя глаза и замечая красно-черную кровь, сочившуюся из раны. Дротик казался такой мелочью, но был способен легко убить человека.

– Королева Циора, девочка, вы в порядке? – спросил он.

Королева, отброшенная на землю своим чемпионом, прижимала к себе Чибуе.

– Мы в порядке, – сказала она, обращаясь скорее к плачущему ребенку, чем к чемпиону. – В порядке.

– Чибуе! Циора! – воскликнула визирь, подбегая и обнимая ребенка и королеву.

Хафса видела, как взволнована Няя, но ей было не до нее. Ей нужно было найти что-нибудь острое, и в поле зрения оказались мечи чемпиона.

– Мне нужен один из ваших мечей, – сказала она.

Чемпион взглянул на нее, и его тяжелый взгляд вновь заставил Хафсу вздрогнуть. Он отвернулся, приказал своим людям охранять королеву, встал и попытался броситься за преследователями ассасина. Но споткнулся, едва не упав, и схватился за ногу.

– Вы не понимаете, – сказала Хафса.

Он покачал головой и захромал к стене.

– В чем дело, жрица? – спросила королева.

Жить чемпиону оставалось недолго, и Хафса не могла понять, почему он счел столь необходимым вступить в бой, когда ассасин был почти схвачен.

На крепостном валу четверо солдат приближались к убийце справа, и еще трое – слева. Он мог бы успеть добежать до лестницы раньше, чем солдаты, но тогда ему путь преградили бы Индлову и огромный Меньший. Выбор был прост: остаться на валу и сражаться против семерых или попытать удачи против двоих.

Он предпочел двоих.

Но Хафса поступила бы иначе. Чемпион спешил к подножию лестницы, а Хафса, сама не зная почему, воспользовалась бы шансом против солдат на стене.

– Жрица? – снова обратилась к ней королева.

– В дротике яд, моя королева, – сказала ей Хафса. – Это драконья кровь.

Меньший по имени Удуак встретил ассасина на лестнице, и как бы Хафса ни ненавидела насилие, она не могла отвести от них взгляда, даже если бы ей пообещали лекарства от всех болезней мира. Удуак ударил первым, обведя своим огромным мечом крутую дугу, но промахнулся, когда противник отскочил назад, приземлившись двумя ступеньками выше и оказавшись вне досягаемости.

Тем временем Индлову, прибежавший вместе с Меньшим, проскочил мимо него и атаковал. Двое Индлову, ассасин и лоялист, обменялись ударами, но оба были заблокированы. Затем, воспользовавшись своим более выгодным положением на лестнице, ассасин пнул лоялиста под шею, выведя из равновесия, и прежде чем лоялист успел его восстановить, ассасин рубанул его мечом.

Хафсе захотелось отвернуться. Она не хотела смотреть на убийство, но лоялист еще не был повержен. Он поднял меч, и лезвие ассасина врезалось в него. Блок вышел не вполне удачным, и ассасин сумел лишь срезать кусочек плоти между шеей и плечом лоялиста, но не отнять жизнь.

Спасшись, лоялист отскочил в сторону, позволив огромному Меньшему занять свое место и продолжить атаку. Они проделали это так плавно, словно исполняли знакомый танец, и Хафса непроизвольно открыла рот, когда Меньший, не теряя ни секунды, взбежал по лестнице, чтобы обрушить свой исполинский меч на голову ассасина.

Ассасин, как челнок, заметался из стороны в сторону. Каким бы невесомым ни казался меч Меньшего в его ручищах, нанести сильного удара ему не удалось.

Внезапно раздался потрясенный крик – кричал лоялист, который уже не участвовал в бою, и которому больше не грозила опасность. Однако вопль оказался таким громким, что мог бы разорвать в клочья его горло.

– Слезы Богини, – проговорила Хафса, увидев, как мужчина споткнулся на лестнице.

Он схватился за порез на шее и согнулся пополам от боли, запрокинув голову под невероятным углом. Вены напряглись так, что стали заметны даже с большого расстояния. Он покачнулся, сделал шаг, другой и пролетел дюжину ступенек лестницы, упав на брусчатку двора.

– Клинок ассасина! – крикнула Хафса огромному Меньшему, оставив королеву и подбегая к раненому лоялисту. – Он отравлен!

Хафса упала на колени перед корчившимся от боли раненым.

– Не шевелитесь, – сказала она, обхватив его голову руками, пытаясь осмотреть рану. – Не шевелитесь!

Лезвие ассасина оставило лишь неглубокий порез на шее Индлову, который выглядел бы довольно невинно, если бы не крошечные брызги черной драконьей крови, пузырившейся по краям разорванной плоти. Хафса знала, что лучший способ спасти отравленного – вырезать

пораженную область, предотвратив распространение яда, прежде чем тот достигнет сердца или мозга, но яд попал в шею, а это оставляло ей лишь один вариант.

– Послушайте меня, – сказала она кричащему воину, пытаясь пробиться к его агонизирующему сознанию. – Я вам сейчас кое-что дам. Оно будет горьким на вкус, но вам нужно будет это прикусить и проглотить сок. Вам станет легче.

Его зрачки были расширены, а глаза едва не вываливались из орбит, но она все же смогла привлечь его внимание, и он кивнул, протянув дрожащую руку в отчаянной попытке получить хоть что-то, способное облегчить страдания.

Не отпуская его головы, удерживая, насколько могла неподвижно, Хафса обыскала внутренние карманы своей мантии, чтобы достать нужный мешочек, стараясь при этом не замечать надежды, отразившейся на лице отравленного. Достав наконец снадобье, она развязала мешочек и высыпала содержимое себе в ладонь. У нее остался лишь один шарик промасленных трав, и он был слишком мал. Она едва не зарыдала.

Раненый потянулся к снадобью, положил шарик в рот, прожевал и проглотил. Хафса сидела рядом. И она знала: того, что он принял, было мало. В последние дни она была слишком занята ранеными в битве между приверженцами королевы и предателями Одили, и ей некогда было пополнять запасы лекарств.

Он закричал еще громче и забился в агонии, а через несколько минут все закончилось. Но ей казалось, что прошла вечность. Его остекленевшие глаза были устремлены на нее. Ей виделось в них обвинение, словно он ее проклял. Она пообещала ему унять боль. Но солгала.

Словно бы издалека, она услышала, как бронза лязгнула о бронзу, и, слишком опустошенная, чтобы испугаться, подняла глаза. Ассасин был близко, всего в паре ступенек над двориком. Он заставил огромного Меньшего уступить ему дорогу, грозя отравленным лезвием.

Хафса увидела, как подбегают еще несколько верных королеве Индлову, а со стены спускаются семеро солдат. Положение ассасина было практически безнадежным. К тому же у подножия лестницы его ждал чемпион.

Ассасин, очевидно, тоже это понимал. Он оглянулся, увидел, что путь наверх заблокирован, и прыгнул вниз, оказавшись рядом с Хафсой и мертвым Индлову. Убийца потянулся к ней, она отпрянула, скорее инстинктивно, чем осмысленно, но внезапно почувствовала, как кто-то отбросил ее от ассасина.

Это был чемпион. Он оттащил ее, встав между нею и убийцей.

– Вдохни глубоко, – сказал чемпион отравителю, – это будет твой последний вдох.

Вблизи можно было наконец рассмотреть лицо ассасина – тонкое, более миловидное, чем заслуживал убийца.

– Укуфа ждет нас обоих, – сказал он. – Дротик, что вытащили из твоей ноги, был пропитан драконьей кровью. Чувствуешь ее огонь, Меньший? Уже жжет? – Ассасин улыбнулся и указал в сторону мертвого Индлову. – Боль это только начало.

Его жест привлек внимание Хафсы к мертвецу, и как только она взглянула на него, ассасин пошел в атаку. Он пытался отвлечь чемпиона, но уловка сработала на ней.

Боковым зрением Хафса увидела, как убийца направил отравленный клинок чемпиону в грудь, и едва она открыла рот, чтобы предупредить его, ее окатило кровью.

Только что чемпиону грозило смертельное ранение, а в следующее мгновение он отвел одним из своих мечей руку ассасина, обезвредив его ядовитое оружие. Но кровь пролил второй меч чемпиона. Он вошел по рукоятку в открытый рот убийцы и вышел с задней стороны его черепа, вибрируя, как натянутая струна.

Мертвое тело ассасина упало рядом с Хафсой, и ее предостерегающий крик превратился в вопль ужаса.

– Успокойся, – сказал ей чемпион, присев на корточки и тяжело дыша. – То, что он сказал – правда? Дротик был отравлен?

Понимая, что потрясена до глубины души, она все же сумела кивнуть и пробормотала:

– Вы убили его...

– Убил, – подтвердил он.

– Чемпион Соларин! – крикнул один из воинов, стоявших на стене. – Крепость покидают пять лошадей с четырьмя всадниками. И генерал среди них!

– Кто еще с ними? – спросил чемпион.

– Два Индлову и седовласая женщина.

– Мирембе, – сказал чемпион с отвращением. – Бежит, бросая свой совет.

Хафса, содрогаясь всем телом, подумала, что должна спасти Меньшего.

– Дайте мне ваш меч, – попросила она уже во второй раз.

– Зачем? – спросила Нья, спешившая к ним. Она была уже в нескольких шагах.

– Я должна вырезать яд, прежде чем он сделает свое дело.

– Что с королевой Циорой и вашей дочерью? – спросил чемпион у визиря.

– Они в безопасности. Они... Спасибо, чемпион. В безопасности, – ответила Нья.

Чемпион опустил плечи и кивнул отяжелевшей головой.

Хафса потянулась к одному из его мечей. Чемпион стремительно спрятал его в ножны и схватил ее за запястье. Он смотрел на мертвого лоялиста.

– Почему я должен тебе верить? – спросил чемпион. – Его ты спасти не смогла.

– Было слишком поздно, – сказала Хафса. – Он был ранен в шею, и яд распространился по всему телу. Если он доходит до головы или сердца, то это смерть. Я ничем не могла помочь.

– Он жжет, – сказал он.

Она кивнула.

– И будет гораздо хуже.

– Спаси его, – сказала Нья. – Делай, что должна.

– Яд у него в ноге, – пробормотала Хафса.

– Нужно ампутировать? – спросил чемпион.

– Иначе вы умрете, – сказала она.

– Ты не отрежешь мне ногу, – возразил он, оглядываясь через плечо.

Она повернулась и увидела, что к ним подошла королева. Чемпион, как ни в чем не бывало – словно Хафса не сказала ему секунду назад, что его жизнь уже почти в вечных объятиях Богини, – заговорил с королевой.

– Пять лошадей покинули крепость, – сообщил он. – Там Отобонг, Мирембе и двое Индлову. Последняя лошадь без наездника. По-видимому, она предназначалась их ассасину.

Королева Циора смотрела на чемпиона так, словно ничего, кроме него, на свете не существовало.

– Ты отравлен?

– Мы должны их остановить. Они знают, что у вас есть агенты в Пальме. Нельзя допустить, чтобы они встретились с Одили.

Королева повернулась к Хафсе.

– Я слышала, что ты сказала. Спаси его.

И она вновь обратилась к чемпиону:

– Дай жрице свой меч.

– Нет.

– Чемпион, мы ваша королева и вы сделаете...

– Нет!

К ним подошел еще один Меньший.

– Тау прав, моя королева. Мы должны остановить Мирембе и Отобонга. – Меньший покоился на Хафсу, словно оценивал, можно ли ей доверять, учитывая то, что он собирался сказать. – Они слишком много знают.

– Это не имеет значения, Хадит, – ответила визирь Меньшему. – Они ушли. Вам ни за что не догнать их пешком.

– Тогда мы не будем гнаться пешком, – сказал Хадит. – Сколько лошадей у нас осталось? Хафсе отчаянно хотелось вселить здравый смысл в каждого из присутствующих. Сейчас было не время говорить о лошадях. Чемпиону следовало отрезать ногу.

– Сколько они взяли? Пять? – переспросила Нья. – Значит, осталось три. Но мало кто умеет ездить верхом.

– Я могу, немного, – заявил Келлан Окар, подбегая. Хафса его знала. Его все знали.

– Я тоже, – сказала Нья. – И, Ингоньяма Окар, хотя я знаю вашу репутацию воина, но нам вдвоем не справиться с четырьмя противниками. У них три Индлову, а Мирембе – могущественная Одаренная.

Королева, словно выйдя из задумчивости, подняла взгляд и отвернулась от чемпиона.

– Мы поскачем на первой из трех лошадей, Ингоньяма Окар и Ихаше Удуак могут сесть на вторую, а ты, Нья, возмешь третью.

– Что? Нет! – воскликнула Нья. – Королева Циора, вы не можете принимать участие в погоне после...

Королева вскинула руку.

– Нам уже начинает надоедать, когда нам говорят «нет». – Она скользнула взглядом мимо чемпиона и пристально посмотрела на Хафсу. – Жрица Экин, мы призовем королевских стражников, чтобы они держали чемпиона. Спасите ему жизнь.

– Я никому не позволю отнять мою ногу! – ответил Тау.

Королева обрушилась на него:

– Это приказ, чемпион. Как вы смеете! Мы не желаем смотреть, как вы умираете.

– Удуак! – позвал чемпион.

– Нэ? – отозвался огромный Меньший, подходя к ним.

Чемпион вынул из ножен клинок из драконьей чешуи, стянул часть кожаных доспехов, закрывавших отравленную ногу. И хотя сделать это наверняка было больнее, чем если бы он посыпал рану солью, он вынес эти муки достаточно мужественно. От этого сочетания безумия и соблюдения приличий Хафсе хотелось смеяться, но ситуация стала еще безумнее.

– Удуак, вырежи рану с ядом, – сказал он.

Хафса фыркнула: как бы часто ей ни доводилось встречаться с идиотским легкомыслием мужчин, оно всегда вызывало у нее удивление.

– Так нельзя, – сказала она. – Прошло слишком много времени. Яд мог распространиться. Нужно отнять всю ногу.

– Удуак, жрица встревожена, – сказал чемпион. – Вырежи большой кусок.

Огромный Меньший хмыкнул и взял черный клинок.

– Вы не понимаете, – сказала Хафса, стараясь подбирать слова, которые точно будут понятны Меньшим. – Даже если вы вырежете основную часть яда, остатки уже ушли далеко. Того, что останется, хватит, чтобы остановить ваше сердце, но яд причинит невообразимую боль. Она сведет вас с ума. Вы умрете, моля о скорейшей кончине.

Чемпион сфокусировал взгляд на жрице. Она побледнела и подумала, что он уже безумен.

– Боль? – переспросил он, словно в бреду. – Боль перестала на меня действовать тысячу жизней назад. – Не отводя от нее глаз, он обратился к огромному Меньшему. – Режь поглубже, Удуак. Нам нужно убить вождя и отвоевать город, а я и так уже потерял слишком много времени.

Не говоря ни слова, Удуак направил лезвие к истекающей кровью ноге чемпиона, но тот так и не сводил взгляда с Хафсы.

Она не могла вынести такой глупости.

– Дайте мне! – воскликнула она, пытаясь выхватить клинок у огромного Меньшего, но его хватка была тверда, как гранит, и она осталась ни с чем. – Послушайте, – сказала она чемпиону, – ваш человек скорее всего сделает вашу ногу бесполезной, и от нее толку будет не больше, чем если ее просто отрезать. Позвольте мне это сделать. Я отрежу, насколько смогу, немного и не задену мышц и крупных артерий.

Этот довод возымел действие, чемпион скрепя сердце согласился, и, как любила говаривать старая наставница Хафсы, пришло время *провернуть в ране нож*.

– Это чрезвычайно глупо, но если это все, что вы позволяете, то останетесь со страшной раной, хромотой и жгучей болью, – сказала она ему. – И это лишь до тех пор, пока яд не зайдет так глубоко, что вам покажется, будто вы заживо сгораєте изнутри. – Она сделала паузу для пущего эффекта, чтобы он получше вдумался в ее слова. – Неважно, – наконец добавила она. – У вас много острых игрушек. Вам не составит труда покончить с этим самому.

Он кивнул.

– Порез неглубокий, жрица, – сказал он. – Нога должна еще работать.

Этого она не ожидала. Она применяла этот подход сотни раз, и стоило ей должным образом объяснить пациентам глупость их намерений, они всегда соглашались с нею.

Она задумалась, не успел ли яд подействовать на его сознание, но по единственному взгляду в его глаза поняла: подействовал яд или нет, он уже все твердо для себя решил.

Огромный Меньший вручил ей клинок.

– Чемпион... – начала она, предпринимая еще одну попытку.

– Разве нам не следует сделать это поскорее? – спросил он.

– Повязки! – крикнула она опешившему Ихаше. – Принесите мне повязки.

Она вонзила клинок в рану. Из бедра чемпиона хлынула кровь. Хафса изо всех сил старалась представить себе путь, по которому яд распространился по его телу. Кто-то дал ей повязки. Она не знала, был ли это все тот же Ихаше, и не потрудила на него взглянуть.

Она осмелилась подумать, что это могло сработать. Возможно, чемпион и поживет еще какое-то время. Клинок был острее, чем все скальпели, которыми она работала прежде, и разрез прошел чисто. Досадно было думать, что они потратили столь ценный материал, как драконья чешуя, на мечи, вместо того чтобы изготовить из нее хирургические инструменты.

Завершая зловещую операцию, она подрезала волокна отравленной плоти и удалила их из изуродованной конечности. Кого-то вырвало. Это была Чибуйе. Девочка наблюдала за происходящим, широко распахнув глаза и раскрыв рот.

– Чибуйе, тебе не следует здесь быть, – сказала Хафса, бросая омертвевшую плоть на землю, чтобы освободить руки и перевязать рану. Но девочка не двинулась с места, а Хафса была слишком занята, чтобы ее прогнать.

Чемпион, не проронивший ни звука во время операции, так и не сводил взгляда с Хафсы. Поэтому, когда королева положила прохладную руку ей на плечо, она содрогнулась.

– Моя королева? – сказала Хафса.

– Он будет жить?

– Не думаю, что его убьет яд, по крайней мере не в прямом смысле, – сказала Хафса, наложив последнюю повязку и предоставив чемпиону со стоном натягивать на ногу кожаный доспех. – Но его боль никогда не прекратится и не ослабнет, и я думаю, что, когда воля окончательно его покинет, он погибнет от собственной руки.

– Я умру не так, – ответил Тау, словно его слова могли на что-то повлиять.

Хафсе хотелось сказать ему, что никому нет дела до того, что он думает о своей кончине, и особенно Богине.

– Дай ему все что нужно. Делай то, что должна, – приказала Хафсе королева. – Ня, вели готовить лошадей. Нам нужно выследить предателей.

Визирь приблизилась к королеве.

– Вы должны понять, что это более чем неразумно. Если вы станете преследовать Мирембе и потерпите неудачу, то Одили победит, и народ омехи перестанет существовать.

Королева взглянула на чемпиона и ответила:

– Мы умрем не так.

Визирь сжала губы так крепко, что могла бы поцеловать ими жука.

– Циора!

– Ня, ты сама сможешь справиться с Мирембе?

Визирь ничего не ответила.

– Тогда готовь лошадей, – велела королева. – Мы не допустим, чтобы эти предатели добрались до Одили.

Нья поклонилась королеве и шепнула что-то дочери, которая подошла к Хафсе.

– Жрица, – сказала Нья, – я попрошу вас еще об одном...

– Конечно, я позабочусь о ней до вашего возвращения, – сказала Хафса.

Визирь поцеловала девочку в лоб, пробормотала Хафсе слова благодарности и отправилась выполнять приказ.

Когда она ушла, королева обратилась к Ихаше и Индлову:

– Воин, который сражался и пал за нас, будет удостоен должной чести, – сказала она. – Разожгите для него погребальный костер. Пусть пламя поглотит его тело и освободит душу. И под звездами этой ночи он отправится к Богине, без оков и стыда.

Несколько бойцов выступили вперед, чтобы поднять тело своего павшего брата.

– Келлан Окар, ты сказал, что умеешь ездить верхом, и ты поедешь. Твой меч нам пригодится. Нам нужен воин, который сможет его поднять, – сказала королева, и красавец-Вельможа едва не потерял равновесие, спеша отдать честь. – Жрица, оставайся поблизости. Вероятно, ты понадобишься нам снова, прежде чем все это закончится.

От слов королевы воспоминания о тревогах и потерях этого дня волной захлестнули Хафсу. Солнце еще не зашло, а уже столько людей погибло и столько предстояло погибнуть.

– Я тоже поеду, – сказал чемпион, пытаясь подняться.

Хафса фыркнула и настолько властно, насколько могла, решительно отрезала:

– Ни в коем случае!

– Теперь наш черед тебе отказать, – сказала ему королева. – Нет!

Пациент Хафсы с усилием поднялся, хотя было видно, что ему больно ступить на раненую правую ногу.

– Я больше не ваш чемпион? – спросил он.

Хафса едва не задохнулась от такой глупости. Но увидела, что королева задумалась. И лишь потому, что Хафса понимала кое-что в людях, иначе не возглавляла бы медицинский орден Саха, она увидела – хотя и не понимала, почему именно это сработало, – что чемпион нашел самые нужные слова.

– Тогда поспеши, чемпион, – сказала королева, уходя. – Предатели не станут ждать.

Ужасно хромая, с тем же выражением лица, что принимало лицо умбуси ее феода перед тем, как она собиралась содрать кожу со спины впавшего в немилость Меньшего, чемпион последовал за королевой.

Глядя ему вслед, Хафса Экин обняла Чибуйе и впервые с тех пор, как стала жрицей, задумалась о том, как рассудит произошедшее Богиня. Она думала о том, не сделало ли ее спасение одних жизней соучастницей в убийстве других.

ПОВОДЬЯ

Тау было так больно, что он едва мог думать, а при каждом шаге бегущей под ним лошади ему казалось, что ногу рубили топором. Боль была почти такой же сильной, как в ту минуту, когда жрица резала его плоть.

– Вижу их лошадей вдалеке! – воскликнула Нья.

Визирь скакала на гнедом коне справа от Тау, за ее спиной сидел Удуак. Он держался за нее так крепко, что ей приходилось бить его по рукам, напоминая, чтобы не ломал ей ребра.

– Где они? – спросила королева.

– В тысяче шагов впереди и немного слева, – ответила Нья.

Тау посмотрел налево. Келлан сидел на белой лошади, скакавшей рядом с ним, но Тау сомневался, что Окара можно было назвать всадником. Келлан смотрел в одну точку, сгорбившись в седле и ворча себе под нос, и казалось, он в любой момент мог вылететь из седла.

– В тысяче шагов? – перекикивая ветер, переспросила королева. – Покажи их нам, Нья. Мы сможем заставить лошадь Мирембе захромать. Тогда мы их и догоним.

– Думаете, мы сможем увещевать ее все время, что нам для этого потребуется? Это невозможно, – заявила Нья.

– Посмотрим, – сказала королева.

Наконец, подумал Тау, глядя, как Келлан мучается с лошады, нашлось что-то, в чем великий Келлан Окар неидеален. Он улыбнулся, но конь под ним вновь коснулся ногой земли, и толчок вызвал такой приступ адской боли, что его едва не стошнило.

– Сик! – выругался он.

– Обхвати нас руками, – сказала ему королева через плечо.

– Я в порядке... моя королева, – процедил Тау сквозь зубы. Перед глазами все плыло, и он взмок от пота.

– Не в порядке. Обхвати нас руками, пока не упал. Иначе мы не сможем ехать быстрее.

Тау держался за края кожаного седла и не собирался менять положения. Но конь споткнулся, и его пронзило такой болью, что он вскрикнул и вцепился в королеву. Ее спина выпрямилась, будто стержень, и Тау едва не отпустил ее.

– Нет, держись, – сказала она. – Крепко держись.

– Нэ?

– Хай-я! – крикнула она, обращаясь к коню на его языке и заставив его скакать еще быстрее. От такой скорости у Тау на глазах выступили слезы, а тело задрожало, будто на холодном ветру.

Они мчались, покрывая расстояние с невероятной быстротой, и Тау был так поражен, что хотя боль не утихла, он, по крайней мере, смог отвлечься от нее. Они словно летели, а когда солнце позади них село, на грозовом небе засверкало множество звезд, которые вспыхивали и гасли за темными облаками.

– Слишком долго, – крикнула Нья, когда они перевели своих усталых лошадей в галоп. – Спросите королеву, когда спадет ее покров.

– Ее покров? – удивился Тау.

– Она все это время находится в Исихого. Замедляет для нас их лошадей.

Тау теснее прижался к королеве, думая о том, что с ними случится, если они упадут на такой скорости.

– Она в темном мире?

– И здесь тоже, – крикнула в ответ Нья. – Ее сознание там и тут, она видит и то, и другое.

Тау сидел так близко к королеве, но не заметил, что она ушла в Исихого. И это его потрясло.

– Королева Циора?

Она не ответила, да и получить ответ, просто обратившись к ней, все равно было не самым быстрым способом. Он последовал за ней в темный мир, где Исихого воззвал к его крови, умоляя остаться и драться. Но он ушел, прежде чем зов мглы и чудовищ, что в ней таились, успели его убедить.

– Ее покров распадается, – крикнул он визирю.

– Разумеется! Она вообще не должна была применять свой дар так долго, – сказала Нья.

– Мы тебя слышим, – отозвалась королева, с глубоким вдохом возвращаясь из Исихого и прижимаясь к Тау. – Мы сделали все, что могли, и лошадь, которую мы увещевали, будет хромать не меньше четырех промежутков. Осторожнее, они уже близко.

И в самом деле. Было темно, облачно и влажно, но они двигались на восток, буря же бушевала на западе. Здесь дождь едва моросил, и сквозь завесу капель Тау увидел врагов.

– Они осматривают копыта хромой лошади, – сказал он. – Нет... погодите... они увидели нас. Они бросают ту лошадь, и один из них садится на другую. Кажется... это Мирембе. Она взбирается на спину свободной лошади, на которой должен был ехать ассасин.

– Ты все это видишь? – спросила Нья. На всем скаку она прижалась к лошадиной шее, пытаясь рассмотреть то, что видел чемпион. – Что ты... Тау Соларин?

– Острое зрение, визирь Нья, – пояснил он.

– Лошадь, которую они бросили, была самой быстрой, – сказала королева Циора. – Мы должны забрать ее, догнать их и заставить вступить в схватку.

– Не вам, моя королева, – сказала Нья. – Вы уже достаточно сделали и потратили немало сил.

– Тогда кому? – спросила королева. – Келлан не может скакать быстро. Ихаше Удуак вообще не наездник.

– Мы с Удуаком переседем на быструю лошадь, – сказала Нья. – Оставьте Окару его лошадь, чтобы следовал за нами, как сумеет.

Келлан выглядел сердитым и пристыженным одновременно. Ему хотелось дать больше, чем он был способен.

– Я поеду с визирем, – заявил Тау. Ему нужно было снова увидеть Мирембе, после того, что она сделала с ним в зале совета.

– Нет, я поеду с визирем, – возразил Удуак.

– Они Ингоньяма, и у них Одаренная, – сказал Тау. – А генерал до сих пор может сражаться мечом, даже одной рукой. А я могу их остановить.

Удуак указал на бедро Тау.

– У тебя только одна нога здоровая.

– Хвала Богине, она дала мне также две руки.

Удуак что-то буркнул, но Тау не расслышал возражения из-за ветра и счел спор окончанным.

– А как насчет Одаренной? – спросил Удуак, снова пытаясь спорить, и Тау вздрогнул от воспоминания о хватке Мирембе.

– Она будет занята, – ответила Нья. – Я смогу увещевать ее, и ей придется делать то же со мной.

– Чемпион, – проговорила королева тихо, чтобы никто больше не услышал. – Сражение между Ньей и Мирембе не может длиться долго.

Тау понял. Нья и Мирембе собирались сразиться в Исихого. Они хотели извлечь столько энергии, сколько могли, и их покровы должны были быстро пасть. Сильнейшая должна была победить, а слабейшая – стать добычей демонов.

– Нья? – обратился к визирю Тау, когда они нагнали лошадь, брошенную предателями.

Нья знала, о чем он спросит.

– Мирембе сильнее, – ответила она, спешившись с лошади, на которой скакала с Удуаком. – Поехали, чемпион.

Тау отпустил талию королевы, и она покачнулась в седле. Она была измождена, и он задержался на миг, чтобы поддержать ее.

– Я не дам их бою длиться долго, – пообещал он.

Она кивнула, и он спрыгнул на землю, едва не потеряв сознание, когда его вес пришелся на раненую ногу. Стиснув зубы и сжав рукояти мечей, он переждал волну боли, захлестнувшую его с головой, и подошел к Нье, оседлавшей лошадь, на которой еще недавно ехала Мирембе.

– Тау... – обеспокоенно позвал Келлан.

– Скачи так быстро, как только сможешь, – сказал Тау. – Я сдержу их до тех пор, пока ты не подспеешь.

– Вперед! – сказала Нья, подав ему руку, чтобы помочь сесть на крупного вороного коня.

Тау ухватился за запястье Ньи, и, сдерживая боль, устроился позади нее.

– Хай-я!! – воскликнула Нья, и конь взял с места в карьер. Они словно летели над землей. Отобонг и Мирембе хлестали своих коней деревянными стеками, отчаянно стремясь заставить их бежать быстрее, но расстояние между ними и преследователями неуклонно сокращалось.

Тау оглянулся. Королева, Удуак и Келлан отставали.

– Если мой бой с Мирембе слишком затянется, я проиграю, – крикнула Нья прерывистым от ветра голосом.

– Этому не бывать, – заверил ее Тау.

Она ему не ответила, а заговорила с лошадью, направив ее к невысокому холму впереди.

Группа Мирембе только что поднялась на него, и Тау не видел, что лежало за ним, но заметил, насколько быстрее они приближались к предателям.

– Они замедляются, – сказал Тау.

– Они не могут от нас оторваться и знают, что это их лучший шанс, – сказала Нья. – Надеются убить нас до того, как подспеют остальные.

Тау помассировал запястья, готовясь к бою.

– Пусть надеются.

РЖАВЫЕ ПОЛЯ

Мирембе, Отобонг и двое Индлову исчезли за холмом, и Тау заволновался, что они с Ньей могли попасть в засаду. Но то, что он увидел с вершины, оказалось куда удивительнее.

За неглубокой долиной у подножья холма начиналось обширное поле, на котором при свете луны трудились сотни Батраков. Нья остановила лошадь у кромки поля, и Тау поморщился от боли в бедре, сведенном судорогой.

– Я выведу Мирембе из боя, насколько сумею, – сказала Нья.

Тау кивнул, и все еще чувствуя спазмы, спрыгнул на землю. Он был явно не в форме.

– Эти люди, они могут помочь.

– Какие люди? – спросила Нья.

Повсюду тянулись поросшие листьями стебли, увенчанные гроздьями зерен ржавого цвета. Просо росло аккуратными рядами выше его роста, поле простиралось насколько хватало глаз. Батраки между рядами стояли неподвижно, понутив головы, словно тоже вросшие в землю.

Тау обнажил мечи. Лишившись высоты обзора из седла, он потерял Вельмож из виду и понимал, что они могут внезапно напасть.

Ближайший к нему Батрак стоял меньше чем в пяти шагах. Он был стар, морщинист, со спутанными волосами и кожей, опаленной солнцем. Одетый в лохмотья, он прижимал к груди деревянный ящик, нагруженный собранным зерном.

Старик не опускал глаз. Он пристально смотрел то на изувеченное шрамом лицо Тау, то на его красно-черную броню и мечи из драконьей чешуи.

– Укуфа? – спросил он шепотом.

– Где они?

Не отводя взгляда, Батрак поднял руку и указал узловатым пальцем на плотные заросли справа от Тау. Тау повернул голову, вглядываясь в темноту. К счастью, облака расступились ровно настолько, чтобы лунный свет сверкнул на бронзе в руках одного из двух Индлову, которые там скрывались.

– Я вас вижу, – сказал он, и они бросились на него.

Старый Батрак стоял у них на пути, и солдатам Отобонга пришлось бы сначала убить его. Тау торопливо похромал к Батраку, чувствуя адскую боль при каждом шаге. Индлову замахнулся мечом на старика.

Это было глупо и безрассудно, но Тау пробежал несколько шагов, врезался в старика, оттолкнув его и едва избежав удара мечом по голове. Они повалились на землю. Тау, очутившись внизу, завопил от боли. Он упал на правое бедро, и перед глазами запульсировали красные круги.

– Убить их! – крикнул второй Индлову, и тот, что был ближе, с энтузиазмом бросился выполнять приказ.

Он нацелился Тау в грудь, и тот, не в силах удержать своих мечей, откатился, потащив Батрака за собой. Лезвие Великого Вельможи врезалось в землю, взметнув ее, и Тау, уверенный, что не успеет подняться на ноги прежде, чем его рассечет надвое, бросил правый меч, схватил горсть земли и швырнул в лицо противнику.

Индлову, защищаясь, вскинул меч, но земля все равно попала ему в рот.

Подобрав свой меч, Тау с трудом поднялся на ноги и развернулся, увидев, как Индлову отплеивается. Второй Вельможа оказался в опасной близости к Тау и замахнулся, надеясь застать его врасплох.

Тау заметил атаку и выставил блок, а потом атаковал первого.

Атака не удалась. Больная нога подкосилась, и Тау пришлось опереться на здоровую, чтобы не повалиться на землю.

– Сик! – выругался он, когда первый Индлову нанес удар.

Тау его парировал и, пойдя в контратаку, пустил первую кровь – ранил Индлову в правую руку. Великий Вельможа с криком отскочил, и его сменил второй Индлову. Неуклюже прихрамывая, Тау взметнул свои клинки, целясь в голову, бедро и ногу второго солдата, заставив много превосходящего его ростом противника отбиваться от шквала ударов.

– Помогите мне! – крикнул Индлову напарнику, который зашел к Тау со спины.

Тау развернулся на левой ноге, и скрестил с ним мечи. Он нанес несколько ударов, как делал сотни тысяч раз во мгле, когда демоны подступали к нему со всех сторон. Тау сделал выпад левым мечом, а потом перехватил его так, чтобы острие повернулось за спину, и резко отвел руку назад.

Черное лезвие прожгло воздух, встретившись с кожей и плотью, с костью, и поразив самую сердцевину тела – средоточие души. Меч вонзился так глубоко, что Тау едва не выпустил его, когда враг пошатнулся, ухватившись за смертельное оружие.

Крепко сжав рукоять меча, Тау обернулся через плечо и увидел, что пальцы пронзенного им Вельможи качаются на тонких ниточках кожи у лезвия меча. Свет в глазах Индлову померк, ноги подкосились, и он соскользнул с клинка, упав на плодородную почву полей полуострова.

Его напарник, с перепачканным грязью лицом, позвал его по имени с любовью, неуместной среди кровавой бойни. Зов прозвучал как молитва, оставшаяся без ответа.

– Я брошу твой труп гнить здесь! – яростно крикнул он чемпиону. Тау увидел, что мышцы противника деформировались и стали расти.

– Сик! – выругался Тау, заметив, что совсем рядом с ними Мирембе тянет руки к стремительно меняющемуся Вельможе. Отобонг стоял чуть поодаль, держа меч в единственной руке.

– Я не позволю осквернить твой труп, Меньший! – едва слышно проговорил Великий Вельможа.

– Тау! – позвала его Нья. – Тебе нужно действовать быстро, – предупредила она, и ее взгляд расфокусировался – душа визирия отправилась в Исихого.

Мирембе тотчас напряглась.

– Кудливе!

Процесс деформации замедлился, остановился и наконец стал откатываться обратно. Тау услышал, как затрещали кости Великого Вельможи, и он вернулся к своим обычным размерам.

– Сдержи Меньшего, – процедила Мирембе сквозь зубы, и Отобонг заслонил ее, неловко подняв меч.

Мирембе всматривалась в темный мир. Ее взгляд метался, она видела отнюдь не поля вокруг, но нечто иное. Вдруг взгляд застыл и сфокусировался на чем-то – на ком-то. Она стиснула кулаки и улыбнулась. Тау понял, что она нашла Нью во мгле.

– Вот ты где, нсику, – прошипела Мирембе, протянув к ней руки, и Нья пошатнулась.

– Чемпион, скорее! – крикнула Нья, и прежде чем Тау успел сделать шаг, Индлову атаковал, нацелившись на его раненую ногу.

Тау заблокировал удар двумя мечами.

– Трус, – сказал он.

– Меньший, – ответил Индлову.

Нья вскрикнула, привлекая внимание Тау. Она еще держалась на ногах, но согнулась, словно ее ударили.

– Мой покров... он спал, – сказала она, глядя пустым взглядом, еще сосредоточенным на темном мире. – Они идут. О Богиня... я слышу, как они идут!

Тау нужно было добраться до Мирембе, но его противник тоже это понимал. Индлову отступал, но ровно настолько, чтобы держать его подальше от Мирембе, а Тау не мог проскочить мимо него. Времени было слишком мало. Ему нужна была подмога, и он увидел, что помощь близка.

Королева с Удуаком за спиной, и Келлан на белой лошади достигли вершины холма. Они были близко, но недостаточно. Время в Исихого текло иначе, и Нье было не продержаться до тех пор, пока они вступят в бой.

Охваченный тревогой, Тау решил действовать. Проскочить мимо Индлову и генерала, прежде чем Нья погибнет, он не мог. Остановить их всех ему не хватило бы сил. Он понимал это, но все равно должен был попытаться.

Тау вскинул мечи и приготовился броситься в атаку, но услышал шарканье дюжин ног. И он, будто ему повязку убрали с глаз, вспомнил, что поля не пустовали. Трудившиеся здесь Батраки были так тихи и подавлены, что совсем слились с пейзажем. Тау их не замечал, они казались невидимыми. Легко было забыть, что они также принадлежали к народу омехи.

– Деритесь с Вельможами! – крикнул Тау, бросаясь вперед, несмотря на атаку Индлову. – Деритесь с ними!

Отобонг, стоявший в нескольких шагах, поднял меч и огляделся, высматривая нового врага. И когда понял, что Тау воззвал к Батракам, рассмеялся.

– Думаешь, они посмеют?

– Омехи, меня зовут Тау Соларин. Я чемпион королев, и я призываю вас на помощь! – воскликнул Тау.

Он увидел движение среди стеблей. Это был старик, которого Тау повалил на землю. Он держал свой огромный ящик, как камень, и когда подобрался достаточно близко, с силой

обрушил его на голову Мирембе. Ящик развалился на части, Мирембе вскрикнула, и Индлову, с которым сражался Тау, повернулся к ней.

Он мог бы увидеть, как Мирембе падала на землю. И даже заметить, что Нья тоже упала. Однако увидеть, как на него бросился Тау, он не мог, и два клинка вонзились ему в спину, убив в одно мгновение.

Отобонг ударил старика: его меч описал в воздухе кривую дугу.

– Нсику!

Старик, быстрее, чем от него можно было ожидать, отшатнулся от удара, но не сумел его избежать, и меч рассек его от плеча до пояса. Он упал на землю, обхватив себя руками, и его потрепанная рубаха пропиталась кровью.

– Проклятье! – воскликнул Тау.

– Назад, – велел Отобонг, целясь мечом Тау в сердце.

Тау принялся кружить вокруг Отобонга, стараясь приблизиться к Батраку и Нье. Батрак не шевелился.

– Ты умрешь на острие моего меча, Отобонг, – прорычал Тау, скользнув взглядом к Нье.

Визирь пошевелилась, оправляясь от битвы с Мирембе, и в тот же момент, когда он с облегчением подумал, что Нья в порядке, Тау развернулся, чтобы отразить удар, которым Отобонг намеревался исподтишка разрубить ему череп.

Клиники скрестились, и Тау, игнорируя большую ногу, оттеснил превосходящего его габаритами генерала. Он отвел меч Отобонга, а второй меч направил генералу в грудь.

– Думаешь, я лжец? – спросил Тау. – Я же сказал, что мой меч лишит тебя жизни.

– Чемпион Соларин, нам следует вернуть генерала Отобонга и члена совета Мирембе в Цитадель-город для правосудия, – раздался голос королевы. Они наконец были здесь.

– Чемпион! – Келлан неуклюже спешился с лошади и подошел к ним.

– Что? – спросил Тау, полыхая от гнева. Он хотел проткнуть Отобонга, как рыбу, как тот поступил со стариком. Он хотел выпотрошить Мирембе за то, что она сделала с ним в зале совета.

Удуак подошел, разминая ноги, затекшие после езды верхом.

– Я им займусь, – сказал здоровяк, приставив свой огромный меч к шее Отобонга.

Еще раз взглянув на Нью, которая сидела, держась за руки королевы, Тау подошел к Батраку. Старик лежал с широко раскрытыми глазами, невидяще глядя в облачное небо. И какой бы пыткой это для него ни было, Тау опустился перед ним на колени и осторожно закрыл старику глаза.

– Чемпион, – позвал Келлан. – Мы свяжем Отобонга и Мирембе и перекинем их через седла, чтобы отвезти обратно. Нам нужно возвращаться в крепость.

Тау не обращал на Келлана внимания.

– Как его звали? – спросил он у Батраков. Никто не ответил, и Тау указал на женщину в лохмотьях. – Ты! Отвечай, как его звали?

– Он был Батраком, – ответила она.

– У Батраков есть имена, – настаивал Тау.

Она попятилась.

– Прошу, нкиси, я не хочу участвовать в чем-либо...

– Я не прошу тебя участвовать.

– Прошу, нкиси, – сказала она, ныряя в заросли и исчезая во тьме.

Тау посмотрел на других Батраков, но те тоже стали уходить. Он заметил молодого парня, у которого еще оставалось немного мяса на костях, и попытался заставить его говорить.

– Простите, нкиси, – сказал тот, пятясь назад. – Я не могу.

– Не можешь что? – спросил Тау, но Батрак молча ушел.

Тау закрыл лицо руками, а потом резко выпрямился и указал на старика.

– Он спас наш народ. Помог королевству, – сказал он тем, кто скрывался среди стеблей. – Мне нужно уходить. И вы должны позаботиться о нем, поняли? Окажете ему честь и сожжете его?

Никто не ответил.

– Это старый Батрак ударил Мирембе? – спросил Келлан, подходя ближе.

Взглянув на Келлана, Тау с трудом поднялся на ноги.

– Ты что, против, чтобы его сожгли? А что, по-твоему, нужно сделать с Батраком, который ударил Вельможу? Может, его стоит выпотрошить?

Келлан, стиснув зубы, присел перед телом старика. Он взял его на руки и поднес к зарослям, в которых скрылись Батраки. Тау увидел, что кровь старика запачкала Келлану броню.

– Если вы не возражаете, я отвезу его в Цитадель-город, – сказал Келлан Батракам. – Мы воздадим ему честь как воину. Сожжем тело и отправим душу к Богине.

– Можете оставить его, нкosi, – сказал высокий женский голос. – Мы о нем позаботимся.

– А ты кто? – спросил Келлан.

– Он присматривает... Он присматривал за мной, нкosi.

Келлан кивнул, осторожно положил тело старика на землю и, отдав честь Батракам, отошел, чтобы помочь Удуaku взгромоздить председателя и генерала на одну из лошадей. Тау, неуверенный в своих чувствах, проводил Келлана взглядом и, все так же неуверенно, отвернулся от Батраков.

– Я должен был его спасти, – сказал он им, не глядя в их сторону, а когда ответа не последовало, он тоже ушел, предоставив тело старика его лишенным касты собратьям.

– Мы о тебе беспокоились, – сказала королева, когда Тау приблизился. Она стояла рядом с Ньей. – Мы беспокоились за тебя и за Нью. Она говорит, ты остановил Мирембе.

– Это сделал Батрак, моя королева, – сказал Тау.

– Королева Циора, – сказал Келлан, – нам нужно вернуться в Цитадель-город. Неразумно оставаться здесь дольше, чем следует.

Тау устал, мышцы сводило, раненая нога горела. Обратный путь верхом обещал стать пыткой, но делать было нечего. Он захромал к лошадям мимо Нью, и она остановила его, положив руку ему на плечо.

– Я видела, как рьяно ты сражался, и знаю, что ты ранен. Но ты спас меня. Спасибо.

Тау покачал головой.

– Вы почти погибли из-за того, что я не мог их остановить. Старик... Люди продолжают умирать, потому что я не могу их защитить.

Нья взглянула на его лицо.

– Я стану лучше, – сказал Тау. – Стану сильнее.

Он не знал, зачем это сказал, и тем более не знал, зачем сказал именно ей, но она смотрела на него так, словно чего-то искала, а он устал и был не в настроении обсуждать что бы то ни было. Он поклонился ей и двинулся дальше.

– Похоже, я понимаю, почему королева выбрала вас, – сказала она.

Тау остановился, не поворачиваясь. Он мог бы спросить, что она имела в виду. В ту ночь, в ту минуту, она, возможно, даже и ответила бы. Но он не был уверен, что хочет знать.

– Буря слабеет, – раздался голос Келлана.

– Здесь бури нет, – заметил Удуак.

– Она уходит на запад, к океану и дальше, – сказал Келлан. – Нам нужно возвращаться в город и собирать людей для атаки. Если Хадит прав, и вождь еще на берегу, то сегодня – наш единственный шанс. Утром ни бури, ни Ачака уже не будет.

Королева, сидя на лошади, протянула Тау свою неестественно холодную руку. Он принял ее и устроился у нее за спиной.

– Будем скакать быстро, – предупредила она. – Нужно опередить бурю в надежде успеть забрать жизнь Ачака.

«Снова убивать», – подумал Тау, с чьих клинков еще не была смыта кровь.

КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО

В крепости Мирембе и Отобонга увели в тюрьму, но королева пообещала им, что правосудие свершится на рассвете.

Дав им слово, королева Циора вышла из конюшни вместе с Ньей, а Келлан с Удуаком попросили Тау пойти вместе с ними во внутренний двор, чтобы завершить подготовку к атаке на вождя Ачака.

Но Тау остался в конюшнях, сказав братьям, что ему нужно отмыть мечи. А когда они ушли, он отпустил и конюхов.

Оставшись один, он зажал рот рукой и закричал, отчаянно пытаясь заглушить душевную боль.

Старый Батрак пытался помочь ему и погиб. Он отправился к Богине так же, как отец Тау, как Ойибо... как Зури. Все они пришли ему на помощь, но когда они сами нуждались в нем, он их подвел.

Продолжая кричать, Тау прислонился к двери ближайшего стойла и ударил по дереву кулаком – так сильно, что поранил руку. Он крепко зажмурился, голова закружилась, но он все же услышал, как подошла вороная лошадь, на которой ехали они с королевой. Он услышал тяжелые шаги по усыпанному сеном полу и почувствовал на лице ее влажное дыхание. Не зная, чем это животное питалось, и не желая быть укушенным, Тау открыл глаза и отступил.

– Даже не думай, – сказал он, показывая коню свой меч. – У меня тоже есть зубы.

Подбираясь все ближе, лошадь не слишком обращала внимания ни на него, ни на меч. Она прижимала уши к голове, отчего те казались маленькими и заостренными, но ноздри и глаза, напротив, были раскрыты, насколько возможно, широко. Тау не знал, как обычно ведут себя такие животные, но не мог представить, чтобы это было теплое приветствие.

– Отстань от меня, нсику! – выругался Тау, приподняв меч повыше. – Пошла!

Деревянные перегородки стойла были хрупкими на вид, и лошадь легко могла бы их сломать.

– Да что с тобой такое?

Лошадь показала зубы, закатила глаза и вдруг встала на дыбы. Прижавшись к стене, Тау попытался. Животные были бесценны, и он не хотел навредить вороному коню, но выставил оба меча, не сводя глаз с обезумевшего животного.

– Я думал, мы подружим... – начал он, и вдруг понял, отойдя подальше, что лошадь на него даже не смотрела.

Тау понял, что лошадь реагировала на что-то другое, и у него встали дыбом волосы на загривке. Он упал на пол и откатился в сторону – в этот момент место, где он только что стоял, взорвалось бурей щепок.

Вой, раздавшийся за спиной, не мог исходить ни от одного из известных ему животных, и Тау вскочил, подавляя боль в ноге, и резко развернулся к существу, которое едва его не убило.

Оно было невысоким, ростом примерно с демона. Но шире и толще самого Тау, с толстой желтоватой кожей, бугристой и пятнистой, как у жабы. Оно смотрело на него светящимися глазами размером с добрые кулаки, а рот у него был круглый, как у рыбы-прилипалы. Издав жуткий вой этим маленьким отверстием, чудовище согнуло шестипалые руки, и ринулось на него.

– Этого не может быть на самом деле. Ты не настоящ... – начал Тау, но осекся, отпрянув от режущих когтей.

Он избежал опасности быть выпотрошенным, прижавшись спиной к деревянной стене, но понял, что от демона его отделяла всего пара шагов. Монстр прыгнул на него, и теперь Тау отступать было некуда.

Вороной конь продолжал бесноваться, и ржание и топот испуганного животного заглушали даже дикий вой монстра.

Тау вскинул мечи, чтобы не дать демону выцарапать ему глаза, и скользнул вдоль стены, надеясь уклониться. У него получилось. Он остановил демона, не позволив ему добраться до глаз, мечи рассекли толстую кожу рук существа, но нападения Тау все же не избежал: чудовище врезалось в него, вдавив в деревянную стену.

Стена позади Тау прогнулась, и он повалился на устланный сеном грязный пол, ударившись так, что перехватило дыхание. Демон, оказавшись над ним, приоткрыл круглую пасть и щелкнул зубами перед носом Тау. Чемпион сумел отеснить противника, вдавив рукояти мечей ему в шею.

– Как? Как такое возможно... – прорычал он, и в эту минуту существо бросилось на него, пытаясь вонзить в Тау и зубы, и когти.

Тау стремительно просунул колени под тушу чудовища, уперся ногами в его бедра, и с воплем оттолкнул монстра. Раненая нога отозвалась яростной болью.

Демон был крупным, но неповоротливым, он пришел в себя и пополз к Тау на четвереньках.

Отскочив назад, Тау вонзил правый меч демону в плечо и попытался ударить левым в лицо, но промахнулся. И тут на голову демона стремительно опустилось копыто вороного коня, втоптав ее в пол.

Демон, выпучив глаза, конвульсивно дернулся, а вороной конь встал на дыбы, чтобы снова наступить на монстра.

Удар превратил голову демона в кашеобразное месиво, чудовище вздрогнуло, обмякло и превратилось в кучку серого пепла, которую конь ударил копытом в третий раз.

От мощного удара пепел разлетелся по воздуху, постепенно растворяясь в нем. Последние частицы пепла исчезли, словно песок, струящийся сквозь невидимое решето. И от монстра ничего не осталось.

– Как такое возможно? – повторил Тау.

ТЕНИ

Тау торопливо захромал из конюшни во двор. Дождь теперь едва моросил, и тлеющие на крепостных стенах факелы превратили влажный туман, скользкую брусчатку и блестящие от воды стены в бесконечное множество зыбких форм и теней, каждая из которых вполне могла скрывать чудовище, способное перерезать Тау горло, прежде чем он успел бы предупредить остальных.

Он побежал быстрее, мчась сломя голову к трем фигурам, видневшимся впереди.

– Вот ты где, – произнес голос, и одна из трех фигур вышла к свету факела.

Тау, выругавшись, попытался остановиться, но наступил на влажный камень и поскользнулся. Чтобы удержать равновесие, он перенес весь свой вес на больную ногу – и весь мир сжался до единственной точки, излучавшей адскую боль.

– Сик! – выругался он, придерживая мечи.

– Тау, полегче! В чем дело?

Он узнал голос Хадита. А когда к Тау вернулось зрение, и боль отступила, он увидел и остальных. С Хадитом были Удуак и Келлан.

– Мы пришли за тобой, – сказал Хадит. – Сердце бури покинуло полуостров. Она уже в Ревах, и вскоре корабли вождя отчалият. Нам пора выдвигаться.

Тау знал, что все это не имело значения.

– Они здесь! – воскликнул он. – В крепости!

Все трое синхронно обнажили клинки и сплотились вокруг Тау, ожидая атаки.

– Где? – спросил Удуак, оглядываясь по сторонам.

– В конюшне, – ответил Тау. – Там началось.

– Сколько их? – спросил Хадит.

– Пока один. Он напал на меня.

– Один? – переспросил Келлан. – Ксиддин? Или кто-то из людей Одили?

Тау никак не удавалось перевести дыхание.

– Не человек.

Келлан кивнул.

– Значит, ксиддин, – сказал он. – Женщина-рейдер.

– Это не значит, что она пришла одна, – сказал Хадит, указывая на арку, ведущую в глубь крепости. – Идем туда. Если есть еще кто-то, они не смогут нас окружить.

Удуак кивнул, потянул Тау за руку, и все четверо бросились под арку, ограничив углы, откуда на них можно было напасть.

– Мы можем созвать наших людей, – прошептал Келлан. – Или рискнем вызвать ксиддинов на себя?

– Это не ксиддины, – сказал Тау, вглядываясь во мрак за аркой. Там густели тени, длинные как копья, и уходили в даль, в темноту. – Это был демон.

Меч Келлана дрогнул.

– Что?

– Ты сказал «демон»? – переспросил Хадит, скорее прошипев, чем прошептав.

Все еще вглядываясь в темноту, Тау кивнул.

– Он напал на меня в конюшне.

Тау услышал, как Хадит вздохнул и спрятал меч в ножны.

– Ты что, уснул и попал в Исихого?

Удуак и Келлан не зачехлили мечей, но опустили их.

– Нет, – сказал Тау. – Он был здесь.

– Где здесь? – спросил у него Хадит.

– В Умлабе.

– Демон?

– Да.

Удуак и Келлан спрятали клинки.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказал Удуак.

Хадит фыркнул.

– Тау, сегодня был тяжелый день. Ты ранен и изможден. Ты, наверное, уснул.

– Нет! Говорю вам, это действительно произошло.

Хадит положил руку ему на плечо.

– Я буду вежлив и притворюсь, что ты ничего не говорил.

– Вы не понимаете? – спросил Тау. – Это может значить...

– Это может значить, что тебя освободят от должности чемпиона. Это может значить, что ты и твоя история про демонов в конюшне поспособствуют низложению королевы, чья власть и так висит на волоске. – Хадит покачал головой. – Слезы Богини, Тау, она сделала своим Чемпионом Меньшего! Низшего Мирянина!

– Высшего Мирянина, – ощерился Тау.

– Никому нет до этого дела. Королева Циора – монарх расколотого королевства, и правит она частью, населенной Меньшими и отщепенцами из числа Вельмож.

Тау на глазах терял их доверие, чего допустить никак не мог.

– Я уже видел их раньше. Задолго до сегодняшнего дня, – сказал он. – Это началось в Исиколо. Я видел их. Среди теней. В густых зарослях. На краю поля зрения. Они исчезали, когда я поворачивался. Они заменяли своими лицами лица людей.

Удуак глухо кашлянул и сделал руками знак дракона.

– Они приходили ко мне в...

– Во сне наяву, – сказал Хадит. – Видения, вызванные переутомлением. Ты был нездоров в Исиколо, и поэтому, скажу честно, мне сложно тебе поверить. Тау, ты в последнее время очень много пережил... и все мы.

Слова жалили болью.

– Ты знаешь меня слишком хорошо, чтобы так считать, – сказал Тау.

– Я видел, как ты бежал по крепости с мечом наперевес, а теперь ты рассказываешь, что за тобой гнались демоны.

– Я не говорил, что гнались. Я *его* убил... – Тау не знал, куда девать глаза... – И конь мне помог.

Хадит несколько секунд просто смотрел на него.

– Он тебя ранил? У тебя есть его кровь на мечах? – спросил Хадит, оглядывая его оружие.

Тау моргнул и тоже посмотрел на мечи у себя в руках. Лезвия были чистыми, никакой крови.

– Я не понимаю... Я... я заколол его. Я...

– Ладно, никаких свидетельств у нас нет, – сказал Хадит таким же тоном, каким говорил Арен после того, как Тау снились кошмары. – Но мы можем сходить в конюшню. Ты можешь показать нам демона.

– Он... – Тау взглянул на Удуака и Келлана, ища поддержки, но ее не было. Он снова перевел взгляд на Хадита, не находя в себе сил посмотреть брату в глаза. – Он превратился в пепел, – сказал он. – А потом пепел исчез.

Хадит провел рукой по бритой голове.

– Тау...

Тау отвернулся и вложил мечи в ножны.

– Я знаю, что видел.

– Тебе нужен отдых и, наверное, жрица.

Тау сверкнул глазами.

– Для твоей ноги, – уточнил Хадит.

Тау закрыл глаза.

– Я в порядке. Я... немного не в себе, вот и все.

– У тебя кровь, – заметил Удуак.

– Что? – Тау взглянул на свою ногу. На месте раны на кожаном доспехе темнело влажное пятно.

– Нужно сменить повязки, – сказал Удуак.

– Сменю, когда вернемся.

Келлан прочистил горло.

– Чемпион, мы справимся сами. Тебе не нужно идти... если нездоровится.

– Он прав, – подтвердил Хадит. – Ты слишком много пытаешься на себя взять. Если так пойдет, ты не принесешь никакой пользы ни себе, ни кому бы то ни было.

– Я в порядке, – сказал Тау.

В арку вошел Ихаше и едва не напоролся на стремительно вскинутый меч Тау.

– Тау! – воскликнул Хадит.

Тау отступил. Но его меч еще был поднят, и он не собирался его убирать.

– Я в порядке.

Ихаше выглядел так, словно едва не обмочился. Он сглотнул огромный ком в горле и сказал:

– Визирь послала меня и еще несколько бойцов. – Он указал в направлении двора. – Королева готова проводить отряд.

– Спасибо, Ихаше. Мы идем, – ответил Келлан.

Солдат отдал честь и поспешил прочь.

– Сходи к жрице. Ради меня. – сказал Хадит.

– Нет, я иду с вами, – ответил Тау, отвернулся и пошел во двор.

Он попытался идти ровно, не замечая пылающей боли, не поддаваясь раздражению. Демон точно был настоящим, но видя сомнение на лицах братьев по оружию, не обагранные кровью мечи и конюшню, где не было никаких демонов, он сам невольно в этом усомнился.

Тау услышал за спиной шаги братьев. Но не стал их ждать, а они не попытались догнать его. Он вышел во внутренний двор и увидел множество солдат в боевом снаряжении и троих Одаренных, не считая визиря и королевы.

Все повернулись к нему, и хотя он не чувствовал себя полным сил, Тау выпрямил спину и крепче сжал рукоять меча, который так и не спрятал в ножны. Он кивнул бойцам, и все они отдали ему честь.

Тау подошел к королеве, которая улыбалась в ответ на реплику одного из Индлову. Солдат кивнул ей и отошел. Тау увидел, как улыбка сползла с лица королевы. Он был не единственным, кто пытался казаться сильнее, чем себя чувствовал. Тау поклонился.

– Чемпион, – поприветствовала она.

– Моя королева.

– Мы пришли пожелать вам успеха. Мы в ваших руках. – Она шагнула к нему, наклонилась и поцеловала в щеку.

Это его удивило, и ему пришлось напрячься, чтобы не отшатнуться. Он ожидал, что ее губы окажутся холодными, как и руки. Но они были теплыми, почти горячими.

Она поцеловала его во вторую щеку и отступила.

– Возвращайся к нам.

Тау отдал честь, и боковым зрением увидел, как Хадит склонил голову. Так обычно делали в ответ на предложение еды или питья. Это был жест, как бы говорящий: «Еще немного, пожалуйста?».

Тау думал о демоне. Ему хотелось рассказать о нем королеве, но он опасался, что Хадит был прав, говоря, что он безумен. Кроме того, Тау не понимал, чем его рассказ мог бы помочь ей или ему самому.

Тау подумал, что Хадит обычно бывает прав. Тау следовало отдать ему должное.

– Мы вернемся с рассветом, моя королева, – сказал Тау достаточно громко, чтобы его слышали все. – И когда вы увидите меня снова, вождь будет мертв.

Глава третья

РАВНЫЙ

Молния рассекла ночное небо, разорвав иссиня-черную мглу и высветив силуэты солдат, бредущих вверх по Кулаку. Остановившись, чтобы дать раненой ноге отдохнуть, Тау смотрел, как вспыхивает и исчезает молния, ввергая мир во тьму, сырость и грязь. Ему было трудно не отставать, и он знал, что из-за него коготь движется медленнее, чем мог бы.

Он нашел бы это забавным, если бы не было так больно. Тау родился и вырос в Кереме, на южном хребте полуострова, и никто из его земляков не стал бы называть Кулак горой. Однако он взбирался по склону с трудом, задерживая тех, кто всю жизнь провел на равнинах.

– Любуешься пейзажем? – спросил Темба, встав рядом и делая вид, что рассматривает кусты и склон за ними, едва различимый в темноте.

Не желая тратить силы на болтовню, Тау хмыкнул и зашагал дальше. Ботинки, которые дал ему Джабари, хлюпали, утопая в грязи.

Темба без труда догнал его.

– Хадит попросил, чтобы я рассказал тебе план.

– А он что, уже не в том, чтобы убить вождя?

Темба усмехнулся. Цинизм, казалось, его лишь забавлял.

– По одному зубцу на каждый пляж. Зубцы, которые не найдут ксиддинов, должны идти к следующему пляжу, чтобы помочь другим.

Тау снова хмыкнул.

– Ты когда-нибудь видел пляж? Любой?

– Я? Нет, – признался Темба. – Келлан видел. Он говорит, от вершины Кулака всего несколько сотен шагов до Ревов, и там есть тропы, которые ведут к песку и воде. – Темба оглядел Тау с ног до головы. – Две из них – на крутом склоне.

– Я смогу.

– Тебе это не понадобится.

– Нэ?

– Келлан пойдет по одной из крутых троп. Он возглавит один зубец, и Одаренная будет с ним. Удуак будет командовать другим зубцом. У него тоже будет Одаренная.

Тау поморщился.

– Они оставляют мне легкий путь и Хадита в поддержку?

Темба улыбнулся.

– Я тоже там буду, и, как по мне, мы станем головой этого дракона.

– Не нужны мне твои утешения, – сказал Тау, сам недовольный своими словами, которые звучали словно из уст избалованного отпрыска Вельможи.

– Ладно, но я бы предпочел, чтобы ты не портил настроение тем, кому утешения время от времени нужны. Нет смысла карабкаться по утесам среди ночи без особой нужды.

Тау не ответил. Он не собирался признаваться, что сомневается, что осилит подъем.

– Давай уже догонять остальных, – сказал он.

Взглянув на раненую ногу Тау, Темба приподнял бровь и скривил губы.

Тау не мог вынести оценивающего взгляда товарища, видевшего его слабым, и захромал вперед так быстро, как только мог, едва не теряя сознание от боли.

Длинноногий Темба снова его догнал.

– Уймись, Тау. Ты уже чемпион. Тебе не надо больше ничего доказывать.

Не поднимая головы, чтобы Темба не видел его страданий, Тау указал на солдат, Ихаше и Индлову.

– Нужно быть вдвое сильнее, чтобы получить это звание, и втрое – чтобы они поверили, что я его заслуживаю.

Темба пожал плечами.

– И их мнение о тебе стоит боли и жертв?

Его тон был настолько серьезен, что трудно было поверить, что это сказал Темба, и Тау поднял глаза, чтобы посмотреть на брата по оружию.

– Я не делаю ничего ради мнения других.

Тау знал, что принять это было трудно, но Темба без улыбки, без шуток и неискренности, все же спросил:

– Тогда ради чего?

– Потому что ограничения, которыми мы были связаны, никогда не были нашими, и истории, которые нам рассказывали о нашей природе, нашей незначительности и наших недостатках, никогда не были истиной.

Когда Темба заговорил, голос его звучал совсем тихо:

– Так вот ради чего? Думаешь, и мы можем быть Вельможами?

Нога Тау горела, будто под бичом, но он ускорил шаг, не позволяя боли себя остановить.

– Дело не в этом, – сказал он. – Ложь не в том, что мы не можем быть равными. Она в том, что они отличаются от нас. Мы и есть равные.

Да, если судить по росту, Вельможи были выше. Если по физической силе, Вельможи были сильнее. Но Тау знал, кто решал, как судить, и эти люди предпочитали судить по тому, в чем сами имели преимущество. Они говорили: «Это превосходство не только физическое», отчего представлялось, будто их декреты вытекали из законов природы, хотя на самом деле они были не более чем корыстными суждениями. Они писали правила на свой лад, преуспевая чаще других и указывая на это как на свидетельство своего превосходства. Все это было ложью.

Однако, взглянув на Тембу, Тау почувствовал себя немного глупо. Обычно саркастичный Ихаше выглядел слишком серьезным, слишком напряженным. Это не было на него похоже.

Темба молча кивнул в ответ. И это тоже удивило Тау, который ждал от друга какой-нибудь колкости, насмешливой ухмылки.

– Я скучаю, – сказал Темба.

- По чему?
- По тому, как в таких переходах, он всегда кашлял.
- Чинеду?
- Я скучаю по его кашлю, понимаешь? Это глупо, нэ?
- Тау посмотрел Тембе в глаза и покачал головой.
- Нет, не глупо.

Никто из них больше не проронил ни слова до самых Утесов, где коготь собрался на тренировочном поле, прежде чем разделиться на зубцы.

Удуак со своими бойцами уже был на месте и разговаривал с Хадитом. Они пожали друг другу руки, Хадит сказал еще несколько слов, Удуак махнул Тау, Тау ответил. Затем Удуак приказал своим людям выдвигаться, и они ушли.

Келлан со своими людьми тоже был здесь, и Тау увидел, что Одаренной в его зубце была Танди – та самая, с которой Тау впервые встретился в тоннелях под Крепостью Стражи. Она стояла рядом с Келланом и смотрела, как он пристегивает свой щит к спине, чтобы тот не мешал при спуске со скал к пляжу.

Тау чувствовал вину за то, что Келлану, возможно, предстоял крутой маршрут из-за того, что Тау был ранен. Келлан заметил Тау и отдал ему честь. Тау ответил тем же.

- Богиня с вами, – крикнул Тау.
- И с вами, – кивнул Келлан.

Тау повернулся к Хадиту, гадая, почему все стало таким странным и официальным, и только тогда понял, где именно они находились. Он стоял в том же круге боевого поля, где Тау недавно едва не убил Келлана. Он оглянулся, высматривая Великого Вельможу, но Келлан уже исчез за поворотом.

- Не думал, что мы сюда вернемся, тем более так скоро, – сказал Хадит.
- Теперь здесь все будто бы по-другому, – сказал Темба.
- Почему?
- Все словно уменьшилось.
- Может, и так, – сказал Хадит. – Пойдем, посмотрим, повезет ли нам с пляжем.
- А знаете, – заметил Темба, теперь больше похожий на самого себя, – хотя два из трех пляжей точно будут пустыми, мне почему-то кажется, что именно мы наткнемся на скорпионье гнездо.

– Ихаше, нам следует идти молча, – сказала ему Одаренная из их зубца, проходя мимо Тембы вместе с почетным Индлову, который ее охранял.

– Ты не мог выбрать нам кого-нибудь посимпатичнее? – спросил Темба, когда женщина отошла.

- Что-что? – спросил Хадит, поднеся ладонь к уху и глядя вслед Одаренной. – Не слышу!
- Темба не стал повторять, но посмотрел со значением и негромко выругался.

Тропа, по которой они шли, была Тау незнакома. Они прошагали почти целый промежуток, когда к ним приблизился один из почетных стражей Одаренной. Крупный, значительно крупнее Удуака, он наклонился, чтобы с ними заговорить.

- До пляжа уже недалеко. Нам следует сбавить темп и выслать разведчиков.
- Я пойду с Тембой, – сказал Тау.

Темба покосился на Тау.

- Что? Почему? Э-э...

– Я справлюсь, – сказал Тау. – Как отсюда лучше пройти к пляжу?

Индлову набросал на влажной земле схематичную карту.

– Этого не может быть, – сказал Тау, с усилием согнувшись и недоверчиво рассматривая карту. – Ты нарисовал так, будто там настоящий сад камней, а не пляж.

Индлову, казалось, хотел что-то ответить, но сказал только:

– Так и есть.

Тау еще раз взглянул на чертеж на земле, а потом на того, кто нарисовал схему.

– Отлично. Если там есть разведчики, мы с ними справимся. Дайте нам четверть промежутка и следуйте за нами.

Индлову отдал честь и вернулся к Одаренной. Тау собрался с силами, выдохнул и тоже выпрямился, прикрыв глаза и прикусив губу от боли в бедре.

– И ты собираешься идти с такой ногой? – спросил Темба.

Тау открыл глаза.

– Да

– Упрямый, как навозный жук в сортире, – сердито проворчал Темба.

Хадит положил руку на плечо Тау.

– Ты постарайся не наделать глупостей?

– Постараюсь, – заверил Тау, слегка приободренный обеспокоенным взглядом Тембы.

Хадит пожал руку Тау, и они отправились в путь.

– Пожалуйста, пусть с пляжем повезет, – сказал Темба.

– А тебе вообще часто везет? – спросил Тау.

Темба вздохнул.

– С тех пор как с тобой встретился? Никогда!

ПРИКАЗ

На разведчиков они не наткнулись, зато встретили ксиддинов. Большая часть флота захватчиков уже стояла с поднятыми парусами, и насколько мог видеть Тау, вереница баркасов скрывалась за волнами вечно разгневанных Рев.

Они пришли в идеальное время. Разведчиков отозвали на борт двух последних кораблей, и из всех участников крупнейшего вторжения на земли омехи оставалось всего двести хедени, включая вождя.

Пробежав немного в глубь полуострова, но все еще не сойдя с красных песков пляжа, Тау и Темба спрятались за одним из бесчисленных каменных столбов, тянувшихся к небу, словно лабиринт сломанных пальцев. Вереница белых как мел столбов начиналась у подножия Кулака и тянулась за кромку воды.

Это зрелище потрясло Тембу.

– Что, во имя Богини?..

– Все так, как описал Индлову... – сказал Тау. – Ревы превратили этот участок Кулака в каменный лабиринт.

– Это не пляж, – ответил Темба. – Это обнаженные, выцветшие кости умирающего полуострова.

Тау склонил голову набок, глядя на брата по оружию.

– Нэ? Мне что, нельзя тоже побыть поэтом? – спросил Темба. – Сам-то про каменный лабиринт рассказываешь.

Тау лишь покачал головой.

– Наш зубец скоро подоспеет.

– Уж лучше бы поскорей. Не думаю, что у нас осталось много времени, прежде чем вождь взойдет на корабль.

– Время еще есть, – сказал Тау, указывая на мужчину вдалеке. – Это и есть вождь Ачак, а тот, с кем он говорит, – его сын.

Темба сощурился и подался вперед, словно это могло помочь ему увидеть.

– Это Кана с ним? Ты его видишь?

– Вижу.

Темба вернулся в прежнее положение.

– Ну говорит он с сыном, и что?

– Он желает ему счастливого пути.

Темба посмотрел на бурные волны.

– Я, конечно, не то чтобы трус, но знаешь, мы могли бы просто посидеть здесь и посмотреть, как они выйдут в Ревы. Если нам повезет, они утонут.

– Напомни, как часто тебе везет?

Темба сплюнул на красную глину.

– Удар засчитан, – ответил он, уступая.

– Если они прощаются, это значит, что Кана сядет на следующий корабль. А его отец поплывет на последнем.

– Они разделятся? – спросил Темба.

– Чтобы уменьшить вероятность, что погибнут оба.

– Они бы точно не погибли, если бы остались дома и оставили нас в покое.

– Времени в обрез, но мы должны успеть, – сказал Тау. – Когда Кана отчалит, а вождь будет еще тут, мы и нападём.

– Подожди, – сказал Темба, отворачиваясь от пляжа и от Тау. – Если зубцы подспеют вовремя, разве нам не стоит попытаться убить и отца, и сына?

Тау покачал головой:

– Мы дадим Кане уйти.

– Зачем?

– Сражаться будет намного легче, если его здесь не будет.

– Тау, большинство бойцов Каны уже на корабле. Они все равно не смогут вернуться вовремя, чтобы помочь.

Тау снова покачал головой.

– Мы здесь ради вождя.

– Вот ты так говоришь, но мне не кажется, что Хадит бы с этим согласился.

Тау не сводил взгляда с побережья.

– Кана не представляет угрозы.

Темба хмыкнул и обернулся, взглянув на Кулак.

– Пока нет. В любом случае уже не только нам решать.

Так и было. Тау слышал, как, насколько могли, тихо, приближались воины их зубца. Солдаты шли прямо к ним, и это значило, что они нашли метки, которые нарисовал Тау на красной глине.

– Следи за пляжем, – сказал Тау, вынимая мечи и прячась за колонну. – Если это не они...

Темба фыркнул.

– погоди... что ты имеешь в виду? Если не они?..

Тау не ответил, всматриваясь в даль, и вскоре в поле зрения оказался Хадит и вслед за ним – остальные воины их зубца.

Хадит сначала заметил Тембу, а затем и ксиддинов у кромки воды.

– Похоже, с пляжем нам повезло, – прошептал он. – Где Тау?

Тау вышел из укрытия.

– Здесь.

Хадит, вздрогнув, схватился за рукоять меча.

– Сик, – прошипел он. – Не делай так!

– Большинство кораблей отчалило, – сказал Тау. – Осталось два, и ты был прав: вождь еще здесь.

Хадит поджал губы.

– Он хороший правитель, и мы это знали.

– Его сын тоже здесь, – сообщил Темба, и Тау коротко взглянул на него.

– Кана? – переспросил Хадит. Темба кивнул, и Хадит быстро пересчитал людей на берегу. – Их двести двадцать три. Нас вчетверо меньше, но если сын тоже там, то нам лучше напасть прямо сейчас.

Тау вспомнил, как дрался плечом к плечу с Каной на стене Крепости Стражи против Индлову, сражавшихся на стороне Одили. Тогда они прикрывали друг другу спины.

– Мы нападём, как только сын и его люди взойдут на корабль, – сказал он. – Мы пришли за вождем.

Хадит покачал головой.

– Ксиддины хотели женить Кану на нашей королеве. Он важен, они могут сделать его вождем, если Ачак погибнет, и если это случится, у Каны будут все основания настаивать на том, чтобы продолжить вторжение. Мы можем убить их обоих и...

– Кана не такой, как его отец.

Хадит помрачнел.

– У него и не будет шанса стать таким, – ответил он, поворачиваясь к воинам, чтобы отдать приказ.

– Нет!

Хадит замер, став похожим на одну из каменных колонн вокруг.

– Ты не согласен, Тау?

– Я чемпион Соларин, – сказал Тау, – и мы дождемся, когда Кана отчалит, а потом нападём.

– Это неразумно, и я не...

– Это приказ!

Хадит изогнул бровь.

– Приказ? Правда?

– Правда.

Хадит стиснул зубы, желваки заходили ходуном.

– Слушаюсь, чемпион.

Тау кивнул и, отвернувшись к берегу, стал ждать, пока Кана сядет на корабль. Ксиддинские суда были крупнее, чем те, что строили омехи. У них были мачты и множество весел, отчего они казались похожими на водомерок, которых Тау ловил в детстве.

Сейчас он думал, что такое строение имело смысл. Корабли пришлось вытащить на берег, чтобы Ревы их не потопили. Это означало, что им требовалось достаточно весел, чтобы выйти в открытое море. Ксиддинский флот, судя по всему, был построен тщательно и с умом, но Тау считал, что в каждом походе все же тонет как минимум один из десяти судов.

– Кана отчаливает, – сказал Темба.

Это было не совсем так. Кана, пройдя половину пути по трапу, повернулся и зашагал обратно. Он крепко обнял отца. Похлопав друг друга по плечам, они обменялись парой фраз.

– Зубы Укуфы, поторопитесь, – сказал Темба.

Они разомкнули объятия, и вождь, грозный Ачак, положил руку сыну на предплечье и улыбнулся. Остальные, наверное, этой улыбки не видели, но Тау хорошо ее разглядел.

– Садись на корабль, Кана, – прошептал Тау, и Кана, будто услышав его, развернулся и поднялся на борт.

Он прошел на корму, проследив, как матросы с помощью длинных шестов оттолкнули судно от берега. Гребцы взяли за весла, и корабль, качнувшись, рассек высокие волны, направляясь в открытое море.

Они больше не были союзниками, но каждый раз, когда корабль Каны качало так сильно, что, казалось, он мог разлететься в щепки, Тау задерживал дыхание, и это продолжалось до тех пор, пока судно не оказалось в безопасности вдали от прибоя.

Прибой всегда представлял в Ревах одну из наибольших угроз, и Ачак, убедившись, что сын оказался в относительной безопасности, помахал ему рукой. Тау со своего места уже не видел Каны, но мог легко представить, как тот ответил отцу тем же жестом.

– Пора, – сказал Тау. Кана миновал точку невозврата и уже не мог вернуться на берег до того, как все будет кончено.

Одаренная, приставленная к их зубцу, накинула капюшон.

– Богиня с нами, – сказала она.

Тау кивнул, перехватил взгляды товарищей и, чувствуя, как кровь зашумела в ушах, выхватил свои черные клинки.

– Где мы бьемся! – крикнул он.

– Мир горит! – подхватили его воины, выскочив из-за каменных столбов и бросились к берегу.

НЕ ПОВЕЗЛО

Ксиддины в едином порыве развернулись, чтобы встретить натиск врага. Тау увидел, как они вскинули свои копья и топоры, и почувствовал, как вскипает кровь. Он старался бежать быстро, но все равно оказался последним.

– Останься с ним! – крикнул Хадит Тембе, когда тот ринулся вместе с остальными, чтобы встретить стремительно формирующийся авангард ксиддинов.

Омехи с налету врезались в ксиддинов, окровавленные женщины и мужчины падали, погибая. Тау оглядел поле боя и заметил вождя.

– Он там, – сказал он Тембе.

Двое мужчин бросились к ним, завязалась схватка.

Темба резко остановился, блокировал вражеское копьё щитом и ударил противника мечом в плечо. Из раны брызнула кровь, копейщик рухнул, и Темба вонзил меч ему в лицо.

Темба улыбнулся Тау и бросился навстречу ксиддинской женщине с двумя топорами в руках.

Покрытый шрамами копьеносец с длинными волосами, скрученными в похожие на хлысты косички вроде тех, что носил Кана, ринулся на Тау с копьём наперевес. Тау, не доверяя раненой ноге, уклонился от удара и отбил его левым мечом.

Противник покачнулся после блока Тау, но использовал его силу, чтобы придать импульс своей атаке. Он развернулся, надеясь ударить Тау в шею, но Тау вонзил правый меч ему в спину, прежде чем копейщик успел завершить движение. Еще до того как убитый упал, Тау захромал дальше, стремясь догнать Тембу. Тот перешагнул через тело женщины с топорами и теперь сражался с двумя ксиддинами одновременно.

Тау убил одного из них, Темба разбил череп второму, и пока вокруг никого не было, Тау снова поискал глазами вождя.

Долго ждать не пришлось. Большинство Избранных сражались, стремясь пробраться к нему, а большинство ксиддинов, напротив, были сосредоточены на том, чтобы защитить его, дать возможность отплыть на последнем корабле. В этом, знал Тау, состояла самая опасная часть их атаки. У ксиддинов было больше бойцов, и если они сплотятся вместе, Избранным будет сложно их победить. Хуже всего было то, что если бы им удалось посадить на борт вождя, они бы спасли его.

Хадит, однако, тоже понял намерения ксиддинов и уже бежал по песку в сторону корабля, чтобы лишить вождя главной надежды на спасение. С Хадитом был Разъяренный Ингоньяма, чьи черты лица были искажены, что не мешало Тау его узнать. Это был тот же воин, что рисовал для него карту побережья. В считанные мгновения Ингоньяма оказался между вождем и его кораблем.

Тау покачал головой, словно не веря в проницательность Хадита. Даже проживи Тау вечно, у него никогда не получится видеть мир так, как его видел Хадит.

Их зубец начал атаку из глубины полуострова, и Ачак должен был успеть на корабль прежде, чем его настигнут омехи, но Хадит разделил зубец, отведя треть воинов к полосе прибоа. Поэтому казалось, что остальные слишком малочисленны, чтобы противостоять ксиддинам.

Хадит правильно предположил, что их вождь не станет бежать, испугавшись противника, которого в силах победить. Верный логике, вождь Ачак приказал своим людям идти в атаку, предоставив Хадиту, Одаренной, ее стражу и Ингоньяме достаточно времени для того, чтобы преградить ему путь.

На глазах Тау ревуший Ингоньяма одним ударом переломил тела первых трех ксиддинов, которые оказались перед ним, после чего резко отвел свой меч вбок, чтобы разрубить пополам следующего противника. Рукой, в которой он держал щит, Ингоньяма схватил ксиддина за шею и с треском ее сломал.

Одаренная стояла у кромки прибоа, в двадцати шагах от схватки. Вода бурлила у ее ног, расставленных на ширине плеч, полоща подол ее мантии, обдавая соленой водой, а она тянула руки к Ингоньяме, пропуская через его тело энергию Исихого.

На Тау бросился воин с топором и тут же погиб. Тау опасался, что вождь погибнет раньше, чем он успеет приблизиться к нему хотя бы на десяток шагов.

– Быстрее, Темба! – позвал Тау, отправляя еще одну душу в объятия Богини.

– Иду, иду, – ответил Темба, оттолкнув плечом раненого ксиддинского бойца и вонзив в него меч. – Я ид... – Темба осекся и замер с открытым ртом, глядя в ту сторону, где стоял корабль Ачака.

Тау проследил за его взглядом и увидел, как то, что считалось сказками, стало явью. Их Ингоньяма сцепился с разъяренным ксиддинским воином, и оба колосса молотили друг друга ударами столь мощными, что могли бы валить деревья.

Омехи не тренировали Разъяренных Ингоньям сражаться друг с другом. Это было слишком опасно. Поэтому Тау никогда не видел, чтобы разъяренные воины дрались вот так насмерть. Зрелище было унижительным, особенно когда Тау понял, что присутствие лишь одного разъяренного ксиддина смогло остановить продвижение группы Хадита.

Путь омехи к кораблю Ачака был заблокирован, и хотя бойцы Хадита не могли ему помешать, вождь не был полностью отрезан от своих воинов. Ачак был слишком умен, чтобы дважды совершить одну и ту же ошибку, и он уже отступал вдоль побережья.

Сначала Тау не понял, в чем дело. Они находились в бухте, и единственный путь Ачака лежал через сражение с намного превосходящими силами Избранных. Отступление позволяло ему выиграть немного времени, но поскольку бухта заканчивалась выступом скалы, простиравшимся в самые Ревы, он все равно оказывался в ловушке. Бежать ему было некуда. Если только не...

Тау взглянул на Ревы и тотчас понял, что задумал Ачак. Несколько ксиддинских судов из всех сил старались приблизиться к берегу. Корабль Каны был ближе всех, и вождь надеялся попасть на борт.

– Темба! – Тау указал на вражеские корабли и побежал в глубь суши, огибая сражающихся воинов.

Завидев приближающиеся корабли, Темба выругался и рассек воздух мечом, словно желая пустить кровь всем врагам.

– Иду! – крикнул он и поспешил вслед за Тау.

Тау, припадая на больную ногу, неуклюже бежал вперед. Если бы они с Тембой смогли обойти сражавшихся, то достигли бы бухты прежде, чем корабли вернутся к берегу. И получили бы шанс добраться до Ачака.

Темба догнал Тау.

– Мы далеко от наших!

– Вождь! – крикнул Тау, вскинув меч. Противник был меньше чем в тридцати шагах.

Вождь Ачак добрался до края бухты. С ним было три бойца и шаман. Остальные ксиддины отступали, сражаясь, и Тау удалось вклиниться между ними и вождем. Корабль Каны качало на волнах так, что казалось, он вот-вот пойдет ко дну. Но если бы он миновал волнолом, то быстро бы добрался до суши и поднял Ачака на борт.

Тау взглянул на Тембу.

Темба тяжело вздохнул.

– Опять не повезло, – сказал он, и они пошли дальше.

ИМЕНА

Первыми Тау и Тембу увидели бойцы Ачака, потому что вождь следил за спасительными кораблями. Ксиддины, стараясь не подпускать воинов омехи к своему вождю хотя бы на расстояние длины меча, бросились им наперерез.

Темба скрестил мечи с первым – высоким стройным мужчиной с татуированным лицом, покрытым глубокими шрамами. Тау опять отстал, и на него напали сразу двое противников. Один из них, издав боевой клич, метнул в Тау копье.

Тау увернулся скорее инстинктивно, чем осмысленно, а потом споткнулся от того, что пришлось перенести вес на раненую ногу. Он взмахнул мечами, чтобы заблокировать топор, просвистевший в ночном воздухе и едва не раскроивший ему череп. Ему это удалось, но отдача была слишком сильной, и он едва не выронил клинок из сломанных пальцев. Стиснув зубы от боли, Тау взмахнул вторым мечом и перерезал налетчику горло.

Противник покачнулся, и прежде чем он упал замертво, его напарница, коренастая женщина, замахнулась на Тау копьем.

Тау попытался отпрыгнуть, но его движения напоминали скорее походку пьяного, чем грациозный танец. Женщина наступала, пытаясь проткнуть Тау копьем, но он поймал ее ритм, и с размаху отсек ей пальцы.

Она вскрикнула и отскочила, выронив оружие. До Ачака оставалось всего двадцать шагов.

Вождь больше не смотрел на океан. Он стоял рядом с шаманом, вскинув копье и пристально глядя на Тау. Расслабив запястья, Тау крутанул мечами и шагнул к вождю, но услышал грохот тяжелых шагов слева.

Он обернулся. Это была разъяренная ксиддинка, и она неслась на него с высоко поднятым копьем. Она бежала быстро, но было слишком поздно. Тау успевал добраться до вождя.

Он сделал еще шаг, расслышал слово, которое она кричала, и остановился. Женщина бежала быстрее, чем мог бы любой нормальный человек, и выкрикивала вновь и вновь:

– Джай-эд! Джай-эд!

Тау оскалился, показав зубы, и, отвернувшись от вождя, взглянул на разъяренную воительницу. Теперь он ее вспомнил. Вспомнил, как она выговаривала имя его Умквондиси. Это она убила Джавьеда.

Она остановилась вне досягаемости его мечей, ее грудь вздымалась от бега, а взгляд был прикован к его лицу.

– Джай-эд, – крикнула она снова, занося копье.

Тау помедлил, размышляя о случившемся, и, кивнув скорее себе самому, сказал:

– Ты сама себя убила.

Она бросилась к нему со сверхчеловеческой скоростью, направив копье ему в грудь. Он ожидал атаки, но она оказалась слишком стремительной, и Тау отскочил с линии поражения. В

ноге вспыхнула боль, грозя вывести его из строя, но Тау заглушил ее ненавистью и, увернувшись от ксиддинского копья, вонзил меч ей в поясницу.

Воительница была в кожаных доспехах, и хотя бронзовое оружие могло бы пронзить звериную шкуру, ее кожа – пока она была в ярости – оставалась неуязвимой. Но меч Тау был сделан из драконьей чешуи, и взрезал ее кожаный доспех легче легкого. Острие меча вонзилось в ее плоть, потащив Тау за собой, но женщина с криком вытащила его.

Тау замахнулся левой рукой и вонзил второй клинок ей в живот. Это был смертельный удар. Меч Тау почти вскрыл ей нутро, но она отбила его лезвие костяным кинжалом, который был у нее в другой руке. Кинжал разлетелся на множество осколков, порезавших ему лицо и руки.

Откатившись после падения, Тау схватился за рукоять своего меча, который все еще торчал в пояснице воительницы. Тау выдернул клинок, чувствуя, как лезвие вспоролло ей кожу.

Тау напал сзади, чтобы пронзить ей спину, но она метнула рукоять сломанного кинжала ему в голову.

Отбив кинжал в воздухе, Тау уклонился от двух атак и всадил правый меч в рану, которую нанес ей прежде. Меч вошел в плоть, женщина завопила и попятилась.

– Назови еще раз его имя! – выкрикнул Тау.

Она оскалилась и взмахнула копьем. Они столкнулись в схватке – она превосходила его размерами. Они ударили друг друга – она явно была сильнее. Они сражались с дикой яростью, и любой, кто видел бы их схватку, сказал бы, что она была быстрее. Но против Тау Соларина, чемпиона омехи, это не имело значения.

Шесть, шестнадцать, шестьдесят ран разверзлось на доспехах, лице и теле воительницы, но она, вся в крови, все еще отбивалась от него ногами, хотя ее взгляд уже помутился. Тау продолжал атаковать, нанося все новые раны, а она отчаянно пыталась уклоняться от мечей, которые лишали ее сил, раздирая кожу.

– Назови еще раз его имя! – крикнул он.

И она закричала. Это был низкий гортанный звук, инстинктивный, полный страха и ненависти. В нем было и признание поражения, и отказ сдаваться.

Разъяренная женщина, чье тело превратилось в сплошную рану, все еще надеялась убить того, кто превосходил ее силой. Сила даров шамана стремительно слабела, и это давало Тау шанс. Так и случилось: магическая сила оставила ее, она пошатнулась и едва не упала, ее взгляд потускнел и стал безжизненным.

Выглядела она жалко, но Тау не собрался ее жалеть. Она убила людей, которых он любил, да еще посмела звать к нему. Она сама накликала на себя смертельную беду.

– В ту ночь, когда ты убила Джавьеда Айима, ты меня видела, – сказал он, приблизившись к ней. – Ты узнала, кто я, и сбежала.

Она попятилась, ее ноги дрожали.

– Тебе надо было бежать без оглядки, – сказал он, подойдя вплотную. Полыхающий в душе гнев заглушал боль в раненой ноге.

Она проклинала его, выплевывая грязные ругательства и все еще пытаясь сражаться, но слишком вяло, и он легко и небрежно отбивал атаки. Он ненавидел и ее саму, и то, что она не сдавалась.

Тау подумал, что ей следовало бы родиться Избранной, хотя ей не позволили бы сражаться, а она явно была рождена для этого.

Она снова закричала и снова ринулась на него, без сил, без скорости, безо всякой надежды нанести ему урон. Он знал, чего она хотела. Она хотела, чтобы он убил ее во время атаки. Пыталась хоть как-то выбрать свою смерть, но она убила Джавьеда и Чинеду, и Тау не собирался ее щадить.

Его меч просвистел в воздухе и вонзился в ее правую руку, расщепив ее пополам и заставив выронить копье. Ее вопль был криком не боли, но отчаяния и утраты. Это был крик, который Тау вспоминал каждую ночь, прежде чем провалиться в спасительный сон. Это был крик, который он сдерживал в себе каждый раз, когда думал, что потерял всех.

Она лежала на земле, прижимая искалеченную руку к телу, а он стоял над нею, наблюдая, как она пыталась дотянуться здоровой рукой до сумки на бедре. Но во всем мире не было оружия, которое смогло бы ей помочь. Конец был неизбежен.

– Его звали Джавьед Айим, – сказал Тау. – И ты никогда не произнесешь его имя вновь.

Он всадил меч ей в грудь, пригвоздив к красной глине. Она ахнула, выдохнув. Чувствуя, что конец близок, она наконец нащупала сумку и вытащила оттуда потрепанный клочок папируса. Она попыталась развернуть его одной рукой, но не смогла. Смерть настигла ее за этим занятием.

Тау провел тыльной стороной ладони по губам. Он убил ту, что лишила жизни Джавьеда и Чинеду. Отомстил за них. Он стоял над ее телом, ожидая, когда наступит облегчение и спадет груз с души, вспоминая, как в ее глазах меркнет свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.